

Александр Валерьевич Сладков

Обратная сторона войны

Серия «Спецкор»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11807826

Сладков, Александр Валерьевич. Обратная сторона войны: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-82642-1

Аннотация

Александр Сладков – в прошлом кадровый офицер, уже более двадцати лет – военный корреспондент ВГТРК. Работал репортером «Вестей», программы «Зеркало». Теперь он ведущий «Военной программы» на канале «Россия-1».

В этой книге – изнанка войны. Афганистан, Донбасс, Чечня, Абхазия, Таджикистан, Сирия. В чем секрет этой книги? Все просто. Мы наблюдаем за боевыми действиями, разгорающимися на наших экранах. Смотрим на войну глазами военного корреспондента. И так было всегда. Войны разгораются одна за другой. Меняют друг друга и репортеры. Те, фронтовые, по старости уходят в историю. А нынешние... Кто устает от профессии, кого переводят в начальники, кто погибает. Но есть и те, что десятилетиями кочуют по передовой.

В девяностых это были романтики в джинсах и в маечках, нынешние в настоящих защитных шлемах и бронежилетах, но с неизменными камерами и микрофонами в руках. Их философия – быть там, где опаснее всего, их цель – снять самые горячие кадры. Не в домашний архив, для нас.

Но знаете ли вы, как эти репортеры живут за кадром? Что делают между съемками и боями, там, на войне? Глушат свой страх водкой? Переживают об убитых час назад их знакомых? Мечтают быстрее уехать домой? В этих репортерских записках как раз можно узнать об этом. Самое главное – здесь ничего не выдумано. Все без «красного словца». В этом главная ценность.

Содержание

Короткими очередями	5
Таджикистан	8
Ваня	8
Волшебный мешок	10
Нас здесь нет	12
Ослиные уши	13
«Таджичка»	15
Над массажной щеткой	19
Великий и ужасный	21
Волшебная удочка	22
Голая застава	24
Машина времени	26
Московский квас	27
Брат полка	29
Хороший Султан	30
Оставшиеся в живых	32
Двадцать лет спустя	34
Абхазия. Миротворчество	36
Военный язык. или пир горой	36
Пул	38
Космические яйца	39
Звезда CNN	41
Домашний салют	43
Заколдованный автобус	44
Чечня. Обратная сторона войны	47
Прелюдия	48
Независимая и ужасная	50
Шпионы	56
Царская ложка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Сладков

Обратная сторона войны

В оформлении книги использованы фото А. Сладкова

© Сладков А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Короткими очередями (реальные истории)

Дал же Бог хорошую память. Сотни путешествий, с одной войны на другую. По кругу. Одни горы, другие, аулы, кишлаки, города. Тысячи лиц. Но если меня растолкать ночью и спросить, где какие полки воевали и кто ими командовал, – не ошибусь. Потому что знал каждого лично. Мы жили в одних палатках, ходили одними тропами. А сколько было событий? Помню ли я подробности?

Опытный пулеметчик в бою не расстреливает всю ленту разом, экономя патроны. Он бьет короткими очередями, отсекая по две-три пули. Так и память – выдает из закромов не всю картину жизни, а лишь яркие ее эпизоды.

Скажем, первое в жизни редакционное здание.

– Что вы можете?

– Все.

– Хм... Человек, который говорит, что может все, как правило, ничего не может.

Разговор с руководителем радиостанции «Голос России» Абакумовым как-то не клеился. Я уже целый месяц работал в районной газете «Время», когда друзья предложили: сходи на радио, на Пятницкую, договоримся. Нашлись какие-то знакомые... Впрочем, почему «какие-то»? Приличные, хорошие люди. И вот Алексей Владимирович, вежливый, тактичный человек лет тридцати, в очках, с длинными волосами, в демократичной джинсовой куртке, аккуратно прошупывает меня на предмет профпригодности (или непригодности).

– А не могли бы вы сделать материал... Хм, на тему... Скажем, «Армия и политика»?

– Конечно, могу, – зачем-то вру я.

– Посмотрите... Ну, интервью военных можете записать, свои мысли...

Я получаю в радиной каптерке обтянутый кожей пластмассовый ящик. И раскладной микрофон. Авантюра...

Через несколько дней я снова на Пятницкой. Протягиваю главреду кассету, на ней интервью с несколькими высокими генералами и маршалом Шапошниковым.

– Ого, молодой человек, да вы кое-что можете! Даже Шапошников у вас! Главнокомандующий Вооруженными силами СНГ! И как это вам удалось?

– Я ж вам говорю, я могу все!

– Ну что ж, продолжим наши контакты!

О том, что все эти военачальники живут у нас на дачах, в Монино, и что мне не составило труда внаглую просто взять да и постучаться к каждому, – я умолчал. Ради большой журналистики.

Я часто потом брал интервью у больших начальников. Иногда они были озабочены делами мира, но чаще – войной.

Дальше Таджикистан. Начало девяностых, зима. Душанбе, а в нем все с оружием. Группировки: «вовчики», «юрчики», «шурчики». Стайки боевиков, греющиеся у костров, как революционные матросы в семнадцатом. Боевики, настороженные и гогочущие, ссыпавшие с ладоней под языки свой жгучий насвай. Раскрашенные БТРы, разъезжающие по широким проспектам, а на них – революционные полевые командиры, боевик Файзали и шашлычник Сангак. Вы можете идти по обычной восточной улице, запруженной тележками и людьми. Свернуть в переулок, а там – никого. Тихо. Только бородатый человек в грязном военном бушлате, аккуратно заглядывающий за угол с автоматом Калашникова на изготовку. И вдруг стрельба!!!!

Потом палящее лето. На горных дорогах – грузовики с телами российских солдат, погибших на афганской границе. Душанбинский военный госпиталь, забитый ранеными под завязку. Паленая водка «Араки-руси» и кислое местное пиво. Плов, шурпа, лагман. Дымящиеся мангалы и таджикский шашлык, нанизанный маленькими кусочками мяса на короткую шпажку. Долгое ожидание вертолета на аэродроме, в надежде перелететь в Пянджский отряд, оттуда в Московский, а потом в Калай-Хумб, Хорог, Ишкашим... Пыль, жара и стрельба...

Приднестровье. Бои на легендарном мосту в Бендерах. Вспухшие тела румынских и молдавских военных, лежащих на асфальте после отбитой атаки на город. Винные погреба и жестокое похмелье от «Букета Молдавии». Российские добровольцы, обозленные казаки и улетающие за великую реку «эрэсы». И такие же, прилетающие с той стороны.

Абхазия. Бомборы, Бобушары и Гумиста. Штурм Сухума, летящие вниз тела грузинских «афганцев», обороняющих верхние этажи желтого здания республиканской администрации. Убитый фотокор Андрей Соловьев, пытавшийся снять, как эти тела слетают прямо на объектив. Мамалыга и копченое мясо, горящий очаг в абхазских апацках. Кодорское ущелье и его дороги, забитые угнанными автобусами и троллейбусами, оставленными бегущими в Грузию сванами.

Распадающаяся Югославия. Кажущийся благополучным Загреб, явно прифронтовой Белград и осажденный Сараево. Боснийский Мостар, разделенный рекой Неретвой. По одну сторону – целый и невредимый, благоухающий хорватский сектор, на другом берегу – разбитые кварталы сектора мусульманского. Сербска Краина, бывшая линия фронта, место, где впервые погибли российские репортеры: Геннадий Куренной и Виктор Ногин. А рядом домик убийцы. И та самая горка, с которой по «Опелю» журналистов ударили из гранатомета.

Первая Чечня. Реки грязи и крови. Испуганные солдаты и хохочущие боевики. Бандеровец Сашко Белый, дающий мне интервью у Дворца Дудаева. Разрушенный Грозный, забитые трупами городские колодцы и страшные рвы на Славянском кладбище, тоже заваленные телами: мирных русских, греков, немцев, армян. Горные села Ярышмарды и Дачу-Борзой, а рядом – сожженная колонна пехотного полка. Сотня разбитых машин, десятки трупов. Хасавюртовский мир и тысячи пропавших без вести пленных, с той и с другой стороны.

Афганистан. Очередная война. Вертолетные путешествия из Душанбе в Панджшер к недавним врагам-моджахедам. Верхом на ящиках с российским оружием и мешками афганских денег, напечатанных у нас на Урале, в Перми. Полевой командир Ахмад Шах Масуд. Русский язык, который вдруг слышится и в кишлачных лавчонках-дуканах, и среди моджахедов, и просто на улице. Фатальная афганская философия – «иншалла» – на все воля Божья, будет, что будет.

Вторая компания на Кавказе. Атакованный Дагестан. Пугающий шепот:

«Басаев и Черный араб – Хаттаб! Они нас разобьют!» Распухшие от жары тела российских солдат на камнях высохшего русла реки. Горящие подбитые вертолеты на Ботлихском аэродроме. Модная песня «Мальчик хочет в Тандо», которую пели перед штурмом горы Черепаха, рядом с которой и находилось село Тандо. Обезглавленные трупы десантников на горе Ослиное Ухо. Народное дагестанское ополчение и избитые в кровь первые пленные боевики. Наконец, поход в Чечню. Мой пятый по счету штурм Грозного. Двухнедельная битва за село Комсомольское. Я, идущий по центральной улице разрушенного села. И мои ноги, соскальзывающие с мертвых тел и голов, замаскированных пылью и грязью. Горное село Улус-Керт. Гибель шестой роты в бою с двумя тысячами атакующих боевиков.

А вот Ирак. Багдад. Везде портреты Саддама. На здании телеграфа – с телефонной трубкой, на турагентстве – в пляжной шляпе и с удочкой, на военной базе – в черных очках и в камуфляже. По городу гуляй – не хочу. Ужин с водкой и яствами в ресторане – четыре

доллара на восьмерых. Вода дороже бензина. Памятник Али-Бабе и сорока разбойникам. Ошалелые журналисты в погоне за иностранными экспертами, а те в погоне за бак-оружием. И наконец, штурм. Американцы в Багдаде. Всеобщий грабеж. Вискарь и параболические антенны в открытой продаже. Первый порнофильм в кинотеатре, первый теракт. Демократия! Свобода – превыше всего. Да здравствует свободный Ирак! С миллионом последующих взрывов и похорон.

Снова Афганистан. Пахнет вторжением. Американская бомбардировка сухими пайками. И появление этих пайков на базаре, по доллару за пакет. Убийство благородного Ахмад Шах Масуда арабскими террористами и жующие жвачку солдаты из Аляски, Аризоны и т. д., шагающие вдоль афганских дувалов. Опиум, гуляющий по стране в грузовых отсеках больших «Геркулесов» авиации США. Вселенский бардак.

А теперь Цхинвал. Война. Бегущие в тыл сильные и вооруженные осетины. Идущие на смерть российские батальоны. Психотропное оружие. Таблетки иностранного «озверина» в желудках яростных грузинских солдат. И чуть позже – эти же солдаты в плену: отошедшие, оттаявшие, милые и застенчивые, чистящие картошку на тыловых кухнях российских полков. И скала над бурной рекой Лиахвой, словно стена Рейхстага: *«Здесь была разведка 429 полка!»* Рядом крупнее: *«8-928-.... Педикюр-маникюр. Звоните! Мадина»*.

Пуля, что сидит во мне, – хорошее подспорье для памяти. Не случайный осколок, не шальная зараза, предназначенная всем и никому. Эта летела конкретно в меня. И если бы не майор, закрывший меня собой, уже и писать было бы некому. Латунный снаряд со стальным сердечником, калибром 5,45, сначала прошел через его тело, а потом очутился в моем. Разве такие мгновения из памяти выветрит время?

Каждые пять-десять лет у России война. Закономерность. Погибшие, раненые, оставшиеся инвалиды. Потраченные миллиарды. Но война тоже приносит некоторые дивиденды. Выработка патриотизма, необходимого стране, как диабетика инсулин. Объединение вокруг лидеров. Победы, в напоминание о великом прошлом и настоящем.

Да-да, как ни странно это звучит: миру нужна война. Возьмите наших «друзей» за океаном. Вот уж кому враг просто необходим. Всегда. Враг маленький и большой. С одним можно справиться, чтоб предъявить обществу все ту же победу. А большим врагом можно пугать народ. И сенат, пополняя военный бюджет.

А у нас, если нет фронтовых сводок пять лет, шесть, семь – растет напряжение. «Пятидневная война» давно в истории, с кем дальше? Япония и Курилы? Арктический шельф и Норвегия? Провидение не стало плести лабиринты и «подарило» нам Юго-Восток. Хотя... Еще не известно, что было бы хуже, война с НАТО или с самими собой. И вот мои коллеги, взяв свои рюкзаки, потянулись в Донбасс.

Это в кино мы, репортеры, постоянно пьем водку и непрерывно спим с прекрасными дамами. Только в кино тревожно вглядываемся в ночное окно, вытирая пот и вспоминая войну. В жизни нам некогда. Хотя... Столько пройдено, столько друзей похоронено, а вспоминается быт какой-то, вагончики, палатки, посиделки. В общем, все то, что осталось за кулисами этого бесконечного путешествия. Мои дети называли меня «дядя папа», из-за редких наших свиданий. Жена давно не реагирует на приезд и отъезд. Будто я ухожу в магазин, а возвращаюсь из соседней комнаты. На работе таких, как я, не жалеют, потому что мы сами себя не жалеем. Мы, как шарик пинг-понга, сегодня в одном месте, где стреляют, – завтра в другом.

Таджикистан (очередь первая)

Ваня

*Что рассказать вам о войне,
Что рассказать, ребята?
Она все время снится мне,
Смогу ль забыть когда-то?*
(Иван Майборода)

Ваня плакал. Он ходил между развалинами и выл по-бабьи, иногда останавливался, затихал, прислушивался – и двигался дальше, по-детски всхлипывая, как от нехватки воздуха. Потом он вдруг садился на корточки, сцеплял пальцы в замок и, раскачиваясь на ступнях, начинал что-то быстро-быстро шептать, разговаривая то ли с ветром, то ли с окружающими горами. А может быть, с самим собой.

Ване было за сорок. Приземистый мужичок, белая рубашка, заправленная в просторные серые брюки. Квадратный торс, кривоватые недлинные ноги в туфлях с мысками узкими, по какой-то давнишней моде. Голова у Вани была круглая и лысая, лишь слегка обрамленная недлинными рыжеватыми волосами. Под прямым мясистым носом – такого же цвета усы. Ваня плакал. Не стеснясь, вытирая большими кулаками свои чуть раскосые, безресничные, красные от слез глаза.

Ваня

Руины заросли травой и кустами. Незнающим людям не определить, что на их месте было. Небольшой кишлачок, разрушенный временем? Ферма какая? Или погранзастава, разбитая снарядами, взорванная лет двадцать назад?

Ваня плакал, а я вспоминал, как сам оказался здесь – молодой и худой начинающий репортер со своим микрофоном наперевес. Тела пограничников тогда уже увезли, остался труп одного из нападавших. Он лежал в траве у самых ворот, под деревом. Безумная, ошалелая от канонады гнедая лошадь, цокая копытами, бродила вокруг, пугала меня, то и дело тыкаясь мокрой мордой в плечо и в шею. Развалины заставы еще дымились. Было трудно поверить в то, что произошло. А еще труднее в то, что я снова приеду сюда ровно через двадцать лет после боя.

Волшебный мешок

Любить военно-транспортную авиацию невозможно. Уважать — да, любить — никогда. Хотя бы за ее дикую непредсказуемость. Сядишь в самолет, чтоб с оказией лететь, скажем, в Адлер, — запросто можешь приземлиться в Ростове. Или в Шайковке. Или в Мигалово. Да черт-те где. Ты можешь, надеясь добраться быстро, застрять на каком-нибудь промежуточном аэродроме, вдали от цивилизации. Мучаясь от солнцепека, будешь спрашивать: «Почему не летим?» И тебе могут ответить: «Взлет не дают, погода плохая». А на улице ни ветерка, ни дождики. А все очень просто: у пилотов обед, они уехали в летную столовую, а там, может, и в город заскочат, на местный рынок, туда-сюда. А если уж у кого-то из экипажа зазноба живет рядом с аэродромом, тогда вообще кранты.

Вот и сейчас я лежу на мешках с сахаром, аккуратно сложенных штабелями в огромном чреве транспортного самолета «Ил-76». На улице февраль, девяносто третий год. Вторую неделю мы не можем взлететь с аэродрома Чкаловский. Экипаж то прогревает движки, давая нам надежду на взлет, то вырубает их, заставляя нас мерзнуть. Когда наконец пойдем на Душанбе, неизвестно. Отходить от борта нельзя, вдруг он улетит. Вот и мучаемся. Это первая моя командировка, недавно меня взяли репортером в штат «Радио России». Перед убитием собрались в кабинете директора Алексея Владимировича Абакумова. Атмосфера совещания мне понравилась. Общались не начальники и подчиненные, а команда авантюристов. Обсуждение оказалось коротким.

- Из Таджикистана у нас ноль, нет информации.
- Надо ехать.
- Как? В Душанбе? Туда ничего не летает. Город в осаде.
- А военные? Надо связаться с КП авиации, подбросят.
- Гришин, Сладков, давайте.

Первый перелет в Таджикистан. На мешках с сахаром

И вот мы даем, морозим задницы на сахаре, предназначенном для воюющей российской 201-й дивизии. Антон Гришин, мой напарник, молодой худощавый парень с русой бородой и в больших очках, валяется рядом. Из пассажиров в нашем лайнере мы да представитель душанбинского Военторга Рахим. Форма одежды его соответствует положению: норковая шапка, мохеровый шарф, дорогая дубленка. Это его сахар. Точнее, он ответствен-

ный за доставку. Сначала мы изводили Рахима: когда полетим? Потом спрашивали экипаж. Бесполезно. Рахим пожимал плечами, летчики молчали, как изваяния. Наконец, у меня созрел план. И мы его тотчас реализовали. Рахим взвалил на плечо мешок сахара и отнес его на Командный пункт. Через пять минут самолет уже брал курс на Таджикистан.

Нас здесь нет

В Душанбе нас не ждали. Темный город. Можно было бы сказать «черно-белый», только белого я не заметил. Угрюмые люди кишлачного вида, забившие собой столичные улицы и проспекты. Многие с автоматами. Суета сует. Военные подбросили нас в город и оставили возле базара. Потолкавшись вдоль рядов, насмотревшись на диковинные кулябские оранжевые лимоны и на стеганые халаты-чапаны, стали решать, куда двигать. Гришин пожевал ус и на правах старшего определил:

– Давай в штаб дивизии.

Помытарили на КПП и пустили. В штабе темно и безлюдно. Сидим в кабинете замполита полковника Ивлева.

– Что там в Москве слышно?

– Да ничего.

– А здесь война. Тут недавно наших военных в заложники взяли. Так мы кишлак окружили, предупредили: даем два часа, и артиллерия будет стрелять. Через десять минут привели. Да что там, вон наш начальник штаба дивизии, полковник Черномордин, в танковой дуэли участвовал. К нам на блокпост выехал танк и вдруг – бац – выстрелил. Черномордин на нашем танке – навстречу. Едут и стреляют друг в друга, пока этим товарищам башню с корпуса не скovyрнули.

Ивлев кивнул на рацию:

– Да наши танки и сейчас в Ромите. Воюют.

Рация оживает:

– Третий, мои две коробочки впереди. По ним со стороны дач ведется огонь.

Замполит сгребает одной рукой наушники, прижимает их к голове, спокойно командует.

– Ну так бей их. И подтягивай остальные коробочки. Только аккуратней на флангах смотри.

И уже нам:

– Ущелье там. Заповедник, еще советский. Река, форелька. Сейчас там оппозиция засела. Узбекская авиация их утюжит. Ну, и мы помогаем.

Гришин оживает:

– Так, а как попасть в этот Ромит, посмотреть своими глазами, что там делается?

Ивлев машет на нас руками, как на прокаженных:

– Да вы что, об этом ни-ни! Говорить нельзя! Нас здесь нет, официально мы по гарнизонам сидим, не работаем!

Ослиные уши

В дивизии делать нечего, там ничего нельзя. А нужна информация, что передавать в Москву? На улице Гришин, пожевав ус, принимает очередное решение:

– Давай к Ирине Каримовой, есть у меня тут знакомая, она на таджикском радио работает. Может быть, через нее что-нибудь и нароем.

Зашли в местный Дом радио, созвонились. Ирина пригласила домой, дала ориентир – памятник с романтическим народным названием «Ослиные уши». Такси не ходит, пошли пешком. Город после обеда пустел на глазах. Проехала российская бронеколонна. Обыденно так, проурчала, как в порядке вещей, подумаешь, БТРы на улице. Обошли два скомканных разбитых автобуса. Рядом человек: фуфайка, папироска, автомат Калашникова. Охраняет их, что ли. Взгляд исподлобья, недобрый.

Памятником оказался танк на постаменте, времен войны. А по бокам от него вздымались такие высокие каменные ленты. Действительно, издалека напоминают длинные уши. Мы нашли дом, хрущевку, и квартиру на первом этаже.

Дверь открыла невысокая симпатичная молодая женщина.

– Это я, Ирина, проходите, ребята. Живу одна, угостить вас особенно нечем, вы сами видите, что в городе происходит. Но чай всегда найдем.

Ирина расставляет пиалы, рассказывает:

– Порядка нет. На улице человека, что муху, прихлопнуть могут. Оппозицию отогнали, но недалеко. Да их и в городе вон полно. Того и гляди что-нибудь захватят. Телевидение, администрацию какую.

– Нам бы материал собрать. Записать интервью какое-то...

– А на какую тему?

– Война, граница.

– Есть у меня один знакомый...

Через час мы уже работали. Прямо на квартиру пришел главный таможенник Таджикистана Алмоз Годоев. Мы говорили, записывали. И про оружие, и про войну, и про наркотики с контрабандой. Поговорили, он надел пальто, кепку, шарф белый и вышел за дверь. Через секунд десять – выстрел. Прямо дурное кино. Алмоз лежал у подъезда. Ничком. Все тот же шарф, пальто, начищенные туфли и откатившаяся в сторону кепка. Застрелили. Ждали, наверное, пока с московскими журналистами договорит. Ирина ушла на кухню, а мы с Гришиным сидим и пьем друг на друга. А что говорить? Попали.

Еще полчаса, звонок телефона. Ирина берет трубку, я не вижу, волнуется она или нет.

– Да. Да. Поняла.

Что там?

– Родственники Годоева позвонили. Сейчас придут убивать.

– Кого???

Ирина в ответ пожимает плечами. Я вдруг понимаю: это не во сне, в реальности. И не бить придут, а именно убивать. На улице ночь, самое время для таких дел. Сажусь к телефону и названиваю по номерам, выданным в редакции «на всякий случай». Попадаю на Виталия Блинова, замминистра внутренних дел Таджикистана. Будить не пришлось, но голос с той стороны звучит усталый-усталый. Я хорохорюсь.

– Проблемка у нас.

– Какая проблемка?

– Убивать нас сейчас придут.

– Двери крепкие?

Такой реакции я не ожидал. Усталый голос из телефона продолжает вещать, как из детективной радиопостановки, видать, на автомате.

– Людей у меня сейчас нет, все на выездах. Забаррикадируйтесь, накидайте мебели в прихожей, постарайтесь продержаться до утра. Все, отбой.

– Так у нас первый этаж...

Бесполезно. Трубка уже безжалостно загудела: пи-пи-пи. Вот так, первое редакционное задание. Первое, как говорится, и сразу последнее.

Смотрю на Гришина. Он жует ус и выдает решение:

– Звони в дивизию.

Ирина безучастно сидит на диване. Фаталистка? А как можно жить в таком городе, в такое время без фатализма? Каждый выход за продуктами – рейд в тылу врага. А ведь ей еще и на работу каждый день надо. Рассказывать что-то в прямом эфире. На политические темы. Кому-то нравится, кому-то нет. Сто раз, наверное, уже вот так могли позвонить и сказать: «Ждите!»

Дивизия отзывается сразу:

– Где вы?

Называю адрес, путаюсь, на том конце провода чертыхаются.

– Так куда ехать?

– Ослиные уши!

– Вот так бы сразу. Смотрите, через десять минут там будет «Урал» с пехотой и БТР.

Мы одеты, готовы к старту. Ирина все так же сидит на диване.

– Ну, что ты?

– Ребят, я не поеду.

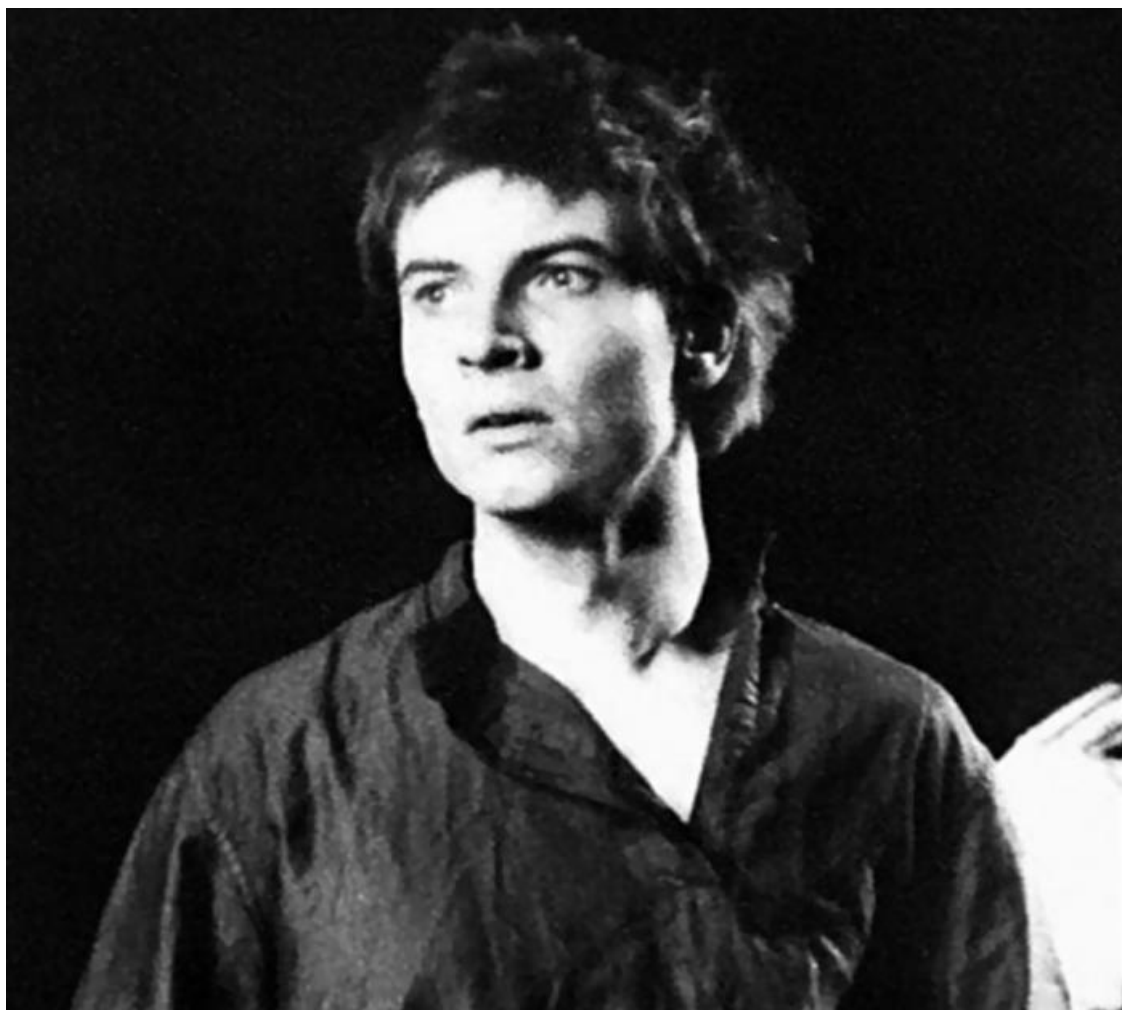
Ну, блин! Ослиные уши...

«Таджичка»

Вертеп не вертеп, но есть у нас в Таджикистане своя малина. В Душанбе. Место проживания, пропитания и тусни. Это гостиница «Таджикистон», в просторечье «Таджичка». Здесь живут все, кто надо. Все те, кто нужен нам, репортерам. По делу. В арендованных номерах размещены штаб-квартиры подразделений ООН, Красного Креста, Врачей без границ. Сюда съезжаются командированные военные, в том числе иностранные, сотрудники многочисленных зарубежных организаций, какие-то авантюристы-коммивояжеры и вообще подозрительные личности и персонажи. Запросто в лифте можно встретиться с чопорным генералом-индусом в аляповатом камуфляже и в чалме с кокардой или оказаться рядом за завтраком с толпой шумных британцев. Но самое главное, наша гостиница – это Мекка для журналистов всего мира, приезжающих откусить свою порцию от таджикского информационного пирога.

На улице июнь, жара, жизнь здесь кипит круглосуточно. И я варюсь в этой жизни второй месяц. Главарь нашей банды, вернее, старший телевизионной группы, – Алексей Самолетов. Он командирован сюда из Новосибирска, там он руководит корпунктом «Вестей». Смуглый, узкоплечий, жилистый, уверенный в себе репортер с абсолютно неумным характером. У Леши шило в одном месте, и оно, видать, загнано по самую ручку. Настоящая репортерская ищейка, Самолет всегда держит нос по ветру: где отхватить информацию, что снять. И он заражает нас своим оптимизмом. Меня, репортера-стажера ТВ, Светку Соколову, корреспондента «Вестей», и оператора Саню Ломакина. Светка – высокая и красивая, тоже, кстати, неумная. Саня – плотный, спокойный и бородатый. Я? Я худой: нос, уши, кадык. Еще недавно – офицер Вооруженных сил, теперь – начинающий журналист.

Вернемся к гостинице. Чтоб прописаться в «Таджичке», нужно, как минимум, появиться в фойе. Выстоять очередь и получить железный отказ. Но вы не торопитесь ретироваться. Смело сгружайте свой скарб рядом с большой длинной стойкой и ждите. Вот! Вот один из сотрудников отделился: то ли деньги меняет, то ли говорит с кем-то по телефону – атакуйте! Полунамеки, дружеские подмаргивания – это ваш арсенал. Все, снова становитесь в очередь. Может быть, номера за первые сутки будут стоять чуть-чуть дороже, не беда, зато они теперь у вас есть. Остается пару раз подняться на лифте, перемещая багаж, пройти длинным коридором по старым вытоптаным ковровым дорожкам и заселиться.

Актерская юность Самолетова. В роли Павки Корчагина

Вас интересует сервис? Его нет. Обед-ужин по номерам не носят. Массаж не делают, сауны нет. Бассейна тоже. Есть внизу фонтан, но он не работает.

Связь? Вы можете позвонить в Москву, выстояв муторную очередь у стойки регистрации.

И то если повезет, если сотруднику гостиницы будет не лень крутить пальцем в телефонном диске минут по двадцать подряд. Но! Гостиница – кладезь информации. Если ты не слепой и не глухой. Смотришь, военные наблюдатели засуетились, крутятся вокруг своих джипов, загружают их водой, сухими пайками – это знак. Наш шарабан уже наготове, можно рвануть следом, снять какую-то интересную встречу, событие. А может, стреляли нынче где, тоже картинка будет не лишней. Случаются и знакомства полезные, скрепленные алкоголем. Скажем, с ребятами из Куляба, чекисты таджикские, приехали оттянуться. Попили вместе, а там можно и к ним в гости заглянуть, с камерой и микрофоном. Пленных покажут? Хорошо. Снять дадут? Еще лучше.

Если вы, проснувшись в «Таджичке», утром желаете поправить здоровье после бурного ужина – добро пожаловать в бар на второй этаж. Плутоватого вида бармен Рузи́ выдаст вам взамен кучки помятых сомонов пару баночек теплого голландского пива: «Извини, брат, холодильник не работает». Там же можно попить сомнительной консистенции кофе или еле заваренный чай. Бутерброды лучше не брать. Засохшая колбаса встанет в пищеводе колом – намучаетесь. Желаете подкрепиться плотнее? Это вам в город, в гостинице ресторан до вечера не работает. Европейской кухни поблизости нет. Рядом есть забегаловка, там в

небольшую кису́ (чашку) вам нальют жирную шурпу, с картошкой и мясом, наложат клейкий плов. Подадут компот в немытом граненом стакане. Все готовится в огромных казанах на огне прямо здесь. Толстый довольный повар в грязно-белом фартуке, он же раздатчик пищи, примет от вас все ту же кучку мятых самонов. Если хочется чего-нибудь вкусенького – пожалуйста, рядом рынок «Баракат».

Ох, и дыни там! И арбузы! Мед! Из полной экзотики меня поразили детские люльки.

Они деревянные, размером чуть больше наших фанерных ящиков для гвоздей. Но шикарные. Ручки с резьбой, внизу такие полуколеса, чтоб качать можно было, как на кресле-качалке. А в днище дырочка! Чтоб младенец мог писать не в простыню, а прямо на пол. Удачное изобретение, это я вам как молодой папа говорю.

Если день вы прожили, вечером добро пожаловать в ресторан, который расположен под открытым небом во внутреннем дворике нашей гостиницы. Посадочных мест в нем достаточно, чтоб вместить всю разношерстную публику. В одном углу можно видеть шумную компанию российских военных за сдвинутыми столами. Они пьют водку, развесив автоматы на спинках стульев, громко смеются. Отдельно сидит задумчивый бородатый мужчина, весь в джинсе. Он то и дело отхлебывает из пивной кружки и что-то чиркает в белом блокноте. Порой он останавливает процесс, прикладывает к уху портативный диктофон и, недовольно оглядываясь на кричащих военных, слушает запись. Это, скорее всего, «импортник», журналист, вероятно, газетчик. Выдумывает статью в свою, скажем, «Оксфорд Таймс». Рядом за столами кучки наших газетчиков. Они тоже пьют и тоже смеются. И тоже мешают импортному коллеге сосредоточиться. Бывает, к таким столикам со своей рюмочкой подсаживаются другие русские. Либо наши дипломаты невысокого ранга, которым наскучила посольская атмосфера, либо другие соотечественники, оказавшиеся в это смутное время в Таджикистане. Попадают личности весьма мутные. Я вот тут познакомился с Алексеем. Развязный парень с начинающей покрываться жирком фигурой, с толстой золотой цепью и массивным крестом на незагорелой груди. Говорит, приехал налаживать бизнес по закупке мануфактуры. Здесь?! Сейчас?! Вот кто он, по-вашему? Я не знаю. Однажды наш Лешенька Самолетов умудрился набраться водки с каким-то строгим человеком в очках, с белесыми глазами. Леша расстелил перед ним карту и что-то горячечно доказывал, тыкая в изображения гор длинным пальцем. Белесый кивал. Мы сидели за соседним столиком. Соколова, тоже не трезвая, периодически подходила к нашему лидеру, хватала его за шиворот и тащила прочь, шипя на весь ресторан: «Лешшшшаа! Это шшшшпионнн!» Самолет всякий раз отбивался, громко шипя в ответ: «Ззззнаю!!!! Я хххххоччу поговоритттть!»

Как правило, все русские компании в процессе вечера воссоединяются. Вот вам и связи, вот вам неофициальная информация. Плохо только одно: утром ваш путь – в бар на втором этаже, к лукавцу Рузи.

Часто ресторан посещают местные жители. Но это не солдаты и не боевики – люди в штатском. Они в галстуках и в белых рубашках, с топорщащимися под мышкой пистолетами или выглядывающими из-под пиджаков поясными кобурами. Приходят они частенько в сопровождении дам, ведут себя тихо, аккуратно выпивают, закусывают и так же тихо уходят. Чопорные иностранные дипломаты и генералы пищу принимают в своих номерах, чтоб не попасть в дурную историю.

Впрочем, мы бываем в ресторане «Таджички» не часто. Дела. Так, если в работе простой и мы уходим вразнос, то, пожалуй, вечер и может закончиться во внутреннем дворике нашей гостиницы. А так... Днем мы перекусываем в парке напротив. Там есть шашлычница Гуля – массивная такая тетка в домашнем халате. Так у нее шашлыки – с шампурами можно проглотить. Мясо нарезается кубиками в размер костей для шеш-беша, они нанизываются на короткую проволоку поочередно с кусочками жира. А еще лепешка душистая вдгон с чаем, что может быть вкуснее!

В номерах «Таджички» обстановка абсолютно совковая. Маленькая комнатка, туалет, душ, зато имеется длинный шикарный балкон и большой ламповый телевизор на высоких тонких ножках. Впрочем, разве нас интересуют условия? Главное, чтоб было где кости бросить, как говорится. Мы здесь проводим время вынужденно. Вынашиваем очередные планы и быстренько их реализуем, порой уезжая или улетаая дня на три-четыре. Дольше нельзя – надо передавать сюжеты для «Вестей» в Москву.

Над массажной щеткой

Обычно вечером мы покупаем дыню, водку и устраиваемся у кого-нибудь в номере на балконе. Иногда к нам примыкает журналистский барон, господин Джафаров. Это самый известный в СССР боевой репортер. На описании его личности я остановлюсь позже, отдельно, он этого заслуживает. Хотя бы потому, что даже в компании с Самолетовым он верховодит. Итак, совещание. Обычно все выпивают по рюмочке и делятся слухами и наблюдениями.

– Что-то ооновцы давно никуда не выезжали...

– Да вон их «Дефендеры». На стоянке. И Красный Крест там же. Не загруженные.

– Говорят, завтра колонна гуманитарная пойдет на Памир, куда-то в Хорог.

– Ого! А как пройдут, там же оппозиция! Их же раздолбят!

– Надо ехать с ними!

– Посмотрим. Если на загрузке будет видно, что едут «в последний путь», – едем с ними. Если веселые отчалят – останемся.

В самом Душанбе события случаются в основном политические. То визит какой, то встреча важная в верхах, то переговоры. За жареными новостями мы летаем на юг. Дело это архинепростое. В смысле организации. Если вы хотите попасть на афганскую границу и снять репортаж о наших ребятах-пограничниках, которые там воюют, надо пройти испытания. Главное, выдержать многочасовое стояние (сидение, лежание) в теньке Российского пограничного управления в Таджикистане. Это недалеко от площади Озоди. От таджикского МИДа, короче. Чего мы там вечно ждем? Да бог его знает. Летит вертолет – не летит? Возьмут – не возьмут? Пустят снимать – не пустят? А в Управлении думали, решали, мариновали. Нет, можно презреть опасность и уехать на границу на автомобиле. Можно улететь и зависнуть там на неделю. А кто там с нами разговаривать будет, без разрешения? А как переправлять в Москву материалы? Никак, только с местного телецентра. Все. Коллапс.

Ну ладно, вот разрешение и получено. Обычно нам говорят: давайте быстрее! Там вертолет, он ждать не будет! Вот-вот взлетит! Напрашивается вопрос, почему не сказали раньше, но задавать его уже некогда. Мы мчимся за командирским «уазиком». Автослалом. Главное, не опоздать: Протокольный проспект – аэропорт – пограничная вертолетная площадка. Все, на месте. Бац! Машина зачехлена. А где люди? Где пилоты? Сейчас придут. И опять ожидание. Уже не в теньке, а под солнцепеком. И вот летчики в своих «чашках», редуктор раскручивается, бортехник обегает машину, убирает маленький трапик, вертолет набирает обороты несущего винта, контрольное висение: все, полетели. Тр-тр-тр-тр. А наверху прохладненько. Блистеры в кабине экипажа отодвинуты, дверь салона тоже, впрочем, закрытая пустой турелью для пулемета. Перед дверью сидит на приставном стульчике бортехник и курит. А пулеметчик – там, в задней полусфере, – тоже курит. Но. Оружие на изготовку берут, если везут какого-нибудь московского генерала. А так все по-простому.

Вертолет набирает высоту. Горы внизу теперь напоминают макет. Не страшно лететь, высоту не чувствуешь. Кажется, вот, протяни руку и достанешь. Ощущение меняется, когда вертолет идет над долиной Сто х.... Я не знаю, как она правильно называется, пилоты говорят – именно так. Из земли торчат красные, длинные, острые, как иголки, скалы. Очень высокие. Даже с большой высоты этот район напоминает массажную щетку, так плотно эти горы расположены друг к другу.

Посадка на площадке перед погранотрядом «Московский». Все двери, иллюминаторы перед снижением надо задраить, иначе наглотаетесь пыли. А дальше – работа. Мы садимся на БТРы, уезжаем на какую-нибудь заставу, снимаем. Днем бьет артиллерия, усталые, потные пограничники уходят-приходят, по ночам стрельба трассерами по реке Пяндж. Как гово-

рят офицеры – по нейтральным островам. Но мне кажется, что немножко достается и афганской территории. Иногда оттуда стреляют в ответ. Тогда офицеры нервничают, и застава выплевывает из всех стволов имеющийся в окопах боекомплект.

Вся фишка в том, чтоб все быстро снять и улететь восвояси. Обогащенные материалом, мы усаживаемся на все той же вертолетной площадке. Просить кого-то не нужно, всем и так понятно – мы хотим домой. А здесь и транспортные «Ми-8», и ударные «Ми-24». И мы опять ждем. Вертолетчики тусуются группкой у какого-нибудь борта. Они почти все афганцы. В выгоревших белых комбинезонах. Работяги. Я еще на службе видел, как такие ребята прилетали на туркменский аэродром Мары «из-за речки» во время войны. Той войны. Как-то они ночевали у нас в батальоне связи. Ротный отобрал у экипажа оружие и свалил в огромную кучу в ружейном парке. Чтобы у летчиков не было соблазна пошалить после сотни-другой граммов спирта.

Так вот Таджикистан. С границы в Душанбе возвращаться всегда приходится только с оказией. Никому организовывать полет специально для нас и в голову не придет. Вот летчики машут рукой: залезайте в десантный люк «Ми-24». Тесновато, но лететь можно. Тридцать минут полета, посадка, аэродром, Протокольный проспект и, наконец, родная «Таджичка».

Великий и ужасный

А сейчас – Джавдет. Он же Эдик, он же Этибар Джафаров. Заслуженный стрингер бывшего СССР и всея Руси. Да, вы знаете, что такое стрингер? Оператор-авантюрист. Как правило, он нигде не числится. Он едет в горячую точку на свой страх и риск, на свои деньги снимает картинку, а потом продает. Никакой страховки, никакой господдержки. Надо без мыла проникнуть туда, куда ни по блату, ни по приказу репортеры не попадают. И снять. Весь фокус в том, чтоб потом суметь продать кадры в несколько фирм од-но-вре-мен-но. Чтобы они и там, и там, и там воспринимались как эксклюзив. Если стрингер приобретает профессиональный вес, его ангажирует какое-нибудь серьезное агентство. Скажем, CNN или RTL. Но в штат не берут. За гибель, в случае чего, не надо платить. И потом, стрингеры народ веселый, оскандалятся где-то, попадут в историю, им-то что, а вот флаг фирмы в дерьме.

Так вот, невозможно придумать импортное агентство, на которое Джавдет когда-либо не работал. Казалось бы, он уже сгреб под себя все доллары мира. Отнюдь. Джавдет беден, как мышь. Беден и зол до работы. Сейчас он явился в Таджикистан от Первого канала. Как король: с двумя камерами «ВЕТАСАМ», с видеоинженером. Но конкуренции у нас нет. Самолет и Джавдет в товарищах, и мы нынче в альянсе. Вместе решаем, что снимать, вместе выезжаем, только потом делимся. Первый канал, к примеру, снимает про одну заставу, мы про другую.

Вернемся к теме. Джавдет похож на удава. Он невысок, худосочен. Узкогруд. У него высокий, с большими залысинами лоб и длинные прямые волосы. Он их зачесывает назад, как батышка. Глаза острые, маленькие. И еще Джавдет носит очки. Огромные, в роговой оправе. Эти очки так велики, что выглядят вызывающе, мол, я вижу вас всех. Насквозь. Также у главного стрингера буйный характер. Как-то, возвращаясь с завтрака, я услышал на нашем седьмом гостиничном этаже истошные крики. «Что это?» – спросил я у Самолетова. «Да так, – ответил наш лидер, – Джавдет Светку Соколову выкидывает из окна. Допекла она его». А еще однажды в гостиничном колодце-ресторане Эдик набрался с военными и впал в раж. Он стрелял вверх очередями из автомата Калашникова с криками «Слава героям!». Клич, конечно, очень и очень сомнительный, но фашистской тематики в жизни Джавдета я не заметил. Это в кураже стрингер может залепить все что угодно. А так... У него есть только один пунктик: всегда показывать правду. И в этом я с ним един. Эдик готов просить, требовать, уговаривать, ждать своего часа до одури, но потом снимать. Он готов перебегать при стрельбе, чтоб в него не попали, готов под огнем ползти по-пластунски, шагать на мины, лишь бы снимать. И показывать. Вот такой он, Джавдет. Великий, а порой и ужасный.

Волшебная удочка

Однажды Алексей Эдуардович Самолетов продлил в Таджикистане войну. Одним движением. Нет чтоб остановить, а он взял и продолжил. В общем-то, я предполагал, что через Лешу с нами может произойти что-нибудь неординарное. Но чтоб такое!

В первый раз я увидел Самолетова здесь, в Таджикистане, когда еще работал на радио. Зимой мы с Гришиным шагали по душанбинскому аэродрому. По рулежке ехал оранжевый «КамАЗ». Перед нами он остановился, из кабины, чертыхаясь, с неуклюжей треногой и большой камерой выбрался человек. Видимо, почувствовал в нас коллег.

– Алексей Самолетов, «Вести».

Мне стало интересно, почему «КамАЗ»? Оказывается, Леша не смог найти в Душанбе легковушку и на целый день зафрахтовал самосвал. Приехал вот на взлетку, посмотреть, есть ли пограничные вертолеты, хотел улететь на границу.

Весной девяносто третьего меня пригласили на «Вести». Сначала репортером-стажером. Отправили в Таджикистан, под крыло Самолетова. И я был рад.

В первый же день мы пошли с ним на рынок за дынями. По пути Алексей вдруг остановился, ткнул в меня пальцем и спросил:

– А ты откуда? Как на «Вестях» оказался, почему здесь?

– Да я военный бывший. Вот недавно уволился. А ты?

– А я актер. Тоже бывший.

– И кого ты играл?

Леха приблизил свое лицо к моему:

– Да всех. От зайчиков и крокодильчиков до Павла Корчагина. Меня до сих пор тошнит от слов: «Жизнь надо прожить так, чтоб не было мучительно больно за прожитые годы!» Тьфу!

Мы наняли носильщика и загрузили наши номера дынями под завязку.

Одну я тут же с огромным удовольствием съел. Подумал, съел вторую. Утроба натягивалась, но белая мякоть не отпускала. Поверьте, вот те дыни, которые нам продают вдоль дорог в Москве, – это картошка. То, что мы купили на «Баракате», – мед. В животе забурлило, я понял, что организм оставляет мне считанные секунды, и, захватив кусок потолще, примкнул к утилизатору. Я был в процессе и ел, не в силах оставить ни того, ни другого. И тут туалет закачался! Да-да, и прихожая тоже! Пол ходил подо мной, как палуба яхты в большой шторм. Почти не вставая, я выглянул в комнату. Люстра моталась из стороны в сторону. Землетрясение! Не надевая штанов и с куском дыни в руках, я просеменил на балкон. Гостиница волнами выталкивала из себя людей. Они отбегали к парку, задирали головы вверх в ожидании, когда здание рухнет. Я вернулся в клозет, встал в дверном проеме, продолжая жевать. Так учили. Чтоб не придавило. Хотя... Седьмой этаж. Может, через неделю найдут.

Минут через десять все успокоилось, и в природном, и в физиологическом смысле. Я привел себя в порядок и спустился по лестнице. Лифты были отключены. Вышел. На парапете, закинув ногу на ногу, в своем джинсовом комбинезоне сидел и курил Самолетов.

– Ты почему не выбежал?

– Дыню ел.

Леша посмотрел на меня с интересом, шумно выпустил дым, затушил сигарету об урну, сжал губы и покачал головой:

– Ну ты, парень, даешь. Смотри не отравись. Этими дынями.

Сказал и удалился в бар, в гости к Рузи.

А через час пробили тревогу. Приехали Зафар и Сулаймон из пресс-службы таджикского МИДа. Сенсация! В Душанбе прилетели моджахеды. Не простые, а полевые коман-

диры. И сейчас на дачах МИДа начнутся переговоры о мире. Я выскочил на улицу. Когда из гостиницы выбегали оператор Ломакин и наш командир Самолетов, мое сердце екнуло. По всем признакам, этот час, что мы не виделись, Саша и Леша не потратили зря. Они сняли стресс, полученный при землетрясении, полностью, без остатка. Взгляд каждого был решителен, движения быстры, но разбалансированы. Когда соратники забрались со всем железом в автобус и дружно выдохнули, даже водитель поежился и обернулся в салон.

Журналистов собралось – море. Откуда? Я такого количества здесь никогда не видел. Ну мы, «Вести», ну Джавдет с командой. Остальные телевизионщики импортные. Местные фотики, газетчики, радищики, информационщики... Вот сейчас эту лавину запустят на переговоры. Только на две минуты, для протокольной съемки.

Мы стояли перед массивной дверью и настраивались, словно кавалерия перед атакой. Ломакин уже, как гранатомет, опустил на плечо ВЕТАСАМ. Самолетов выставил перед собой длинную пластмассовую палку-удочку с микрофоном на конце.

Три, два, один, банзай!!!! Мы ринулись в открытую дверь. Обегая огромный стол, я успел заметить, что все его пространство было заставлено яствами: орешки, виноград, выпотрошенные гранаты, чай в дорогих пиалах, конфеты, яблоки, рахат-лукум, пастила, нарезанные дыни, арбузы. Одну сторону стола занимали чиновники из Душанбе. В белых рубашках, галстуках и пиджаках. Напротив них усадили гостей-моджахедов. Они были похожи на Дедов Морозов летнего образца. Их огромные бороды касались груди, на головах покоились коричневые головные уборы, пакули, напоминающие блины. А одеты они были в национальные длинные рубашки и просторные брюки. Я еле успел обвести комнату взглядом, как раздался гром. Вспышка! Это Самолетов в кураже махнул своей удочкой, как на рыбалке, закидывая ее на середину стола. Люстра, огромная и роскошная, не выдержала удара. Осыпалась. Лампочки лопнули и погасли. Все замерло. Переговорщики сидели, вжав головы в плечи, осыпанные стеклом, как конфетти из огромной хлопушки. Через мгновение охрана вытолкала всех нас вон.

А переговоры... Неудачно закончились. Война в Таджикистане продолжалась еще несколько лет.

Голая застава

На афганской границе появились два странных человека. Даже таинственных. Почему? Ну, во-первых, они были с автоматами и с видеокамерой. Что само по себе не вяжется. Во-вторых, один из них был военным моряком, капитаном второго ранга, а другой был пехотным старлеем. Что моряк здесь делает? До большой воды лететь надо часов пять. И в-третьих, эти люди ездили по границе и снимали все, что им заблагорассудится. Работали там, куда путь нам, репортерам, был жесточайше заказан.

А имели они, оказывается, секретное задание: запечатлеть на пленку арабского эмиссара, который мутил воду в приграничных таджикских районах. Его в горах Памира, в Хороге, как раз прищучили пограничники.

Кап-два звали Александр Зданович, старлея – Дмитрий Коняхин. Первый был широкоплечим, костистым и кадыкастым. Второй – просто долговязым. Первый служил в военно-морской контрразведке, только недавно вернулся из похода к берегам Японии. Второй был профессиональным оператором, в свое время закончил знаменитый ВГИК и только потом стал чекистом.

Сразу на границу они не попали. Летной погоды не было, и они застопорились в батальоне связи погранвойск в Душанбе. Прошел один день безделья, второй, третий. А ребята были весьма деятельные и, надо сказать, авантюрные.

– Саша, сколько можно сидеть? Либо мы сопьемся здесь, либо нос до затылка проковыряем!

– Хорошо, Дима, летим туда, куда летится.

Этим же днем они были на афганской границе. Их прикрепили к десантно-штурмовой заставе Дмитрия Разумовского. Это передвижная застава, она не сидит на месте. Разумовский? Удивительный человек. Молодой. Худой, вечно с автоматом и в выпцвешенном маскахалате. Очень дерзкий. Категоричный. Для него в жизни есть только два цвета: черный и белый. Во всем. В дружбе, в службе, даже за столом. Либо ты друг, либо пустое место. Если враг – тебя надо убить. Если и не враг и не друг, опять же, пустое место. Формально в подчинении Разумовского был натуральный сброд. Солдаты прибыли отовсюду: из Западной группы войск, то есть из Германии, из всех уголков России. Бывшие ракетчики, связисты, пехота. Их дразнили «гуманитарной помощью». Но под воздействием обстоятельств и под прессом своего командира они постепенно превращались в пограничный спецназ.

Вот и помотались с этим спецназом Зданович с Коняхиным в переходах, в переездах, посидели в секретах, засадах. Помотались, пока не оказались на заставе под названием «Баг». Ее маленький гарнизон как раз на днях отразил очередной налет.

Как бы вам поточнее описать это место... «Баг» стоит на отшибе, до отряда ехать и ехать. Я бы назвал такое расположение «каменным мешком». Бурная река Пяндж, делающая крутой изгиб, туго обвивает заставу. Ширина реки небольшая, а на той стороне – красные горы. Высокие, нависающие над «Багом». И там же афганские кишлаки: Анжис-один, Анжис-два и так далее. И с таджикской стороны горы рядом совсем не мирные. Пограничники нынче воюют на два фронта: за-за речки по ним бьют моджахеды, с тыла стреляет таджикская оппозиция. Застава – как на ладони. Вдоль реки чахлый заборчик. Вокруг окопы, выдолбленные в окаменелой глине.

Начальник заставы, похожий на доброго медвежонка, старший лейтенант Дмитрий Бусурин, как назло, недавно перевез к себе из России супругу, батю-пенсионера и двухлетнюю дочку. Погостить. И тут началось. Обстрел за обстрелом. Везти в отряд родных было уже опасно, могли расстрелять по дороге. Вот и куковала семья Бусурина вместе с солдатами на границе. И тут настал час икс. В один момент поперли боевики со всех сторон. Нужно ска-

зять, что перед этим на все заставы пришло распоряжение: боеприпасы в окопах не хранить, только на складе. Бусурин наплевал и растер. И хорошо сделал. Как только начался обстрел, он еле успел дочку в казарму закинуть. Выскочили все по тревоге, а в окопах уже боекомплект сложен, бегать под обстрелом не надо. Папа-пенсионер тоже за Калашников взялся, жена ранеными занималась. Отбились. Погибли сержант-контрактник Иванов из Иваново и рядовой боец из Душанбе. Семью Бусурина эвакуировали, а на заставу пришло подкрепление, а вместе с ним и наши чекисты-телевизионщики. Снимали быт, интервью записывали, пропылились и решили с оказией на пару дней смотаться в отряд. Окунуться в цивилизацию. Перед отъездом к Диме Коняхину подошел доктор Фаяз:

– Дима, ты не смог бы на обратном пути захватить в отряде физраствор. Не дай бог раненые, как помощь оказывать?

– Конечно, возьму.

В отряде Коняхин зашел в санчасть, и ему выдали огромную бутылку с этикеткой из белого лейкопластыря и с большой черной надписью: «Физраствор». Дима обнял ее и отволок в бронеколонну, которая повезла его и Здановича на границу. А на заставе их уже встречал начальник Дима Бусурин с бойцами.

– Быстрее разгружаем! А вы не стойте здесь, открытое место, обязательно стрелять будут!

Продукты, боеприпасы перекидали в казарму, колонна развернулась и проворно ушла. И тут к Диме явился доктор Фаяз.

– Где физраствор?

– Ой, а я его в танке забыл!

Фаяз бросился к рации:

– Колонна!!! Стой! Вернуть танк!!! Танк!!! Там физраствор! А если раненые будут, мне в них воду из Пянджа заливать!?!?

Все закончилось благополучно, танк вернулся. Раненые были спасены.

Но бутылку эту Коняхин со Здановичем увидели еще раз. На ужине, когда из нее Фаяз разливал спирт и оправдывался:

– Это ж конспирация. Если б кто узнал, этот пузырь даже из отряда не выехал бы.

Знаешь, сколько ухарей по дороге? А так вот, пожалуйста, аперитив.

Следующим утром, чтоб прийти в себя, все полезли купаться – на заставе был отрыт великолепный бассейн. Все офицеры, человек десять. И капитан второго ранга тоже. Один Коняхин сидел в теньке и курил. И вдруг свист! РС! Снаряд реактивный. Взрыв! Слава богу, ближе к Пянджу, за заборчиком. Купальщики выскочили из воды, схватили автоматы, разбежались и застыли в мужественных позах. В окопах. Пять минут, десять...

– Отбой!

Защитники, пощелкав предохранителями, чертыхаясь, голяком возвращались назад. Кап-два Зданович в костюме Адама, выплевывая пыль, остановился возле Коняхина:

– Дим, ты снимал?

– Неа.

– Слава богу.

Машина времени

Я должен сделать маленькое отступление и сказать: чуть позже Зданович и Коняхин познакомились с нашим Ломакиным, оператором «Вестей». Через год. В одной интересной ситуации. И она тоже была связана с Таджикистаном.

Представьте себе почти загруженный самолет. Военный транспортный «Ил-76».

Посередине груз, а в корме, на рампе, двое военных. Турбины шумят. И тут в переднюю дверь по лесенке забирается еще один пассажир. Штатский. С камерой и тяжелой большой сумкой. Культурно поздоровавшись, Ломакин, а это был он, вдруг поинтересовался:

– Товарищи, а вы не знаете, там, на высоте, что может случиться с шампанским?

Военные оживились. Вы их тоже узнали, я имею в виду Здановича и Коняхина.

– А что с ним может быть?

– Не лопнет?

– А сколько у тебя его?

– Сумка. Десять бутылок.

Хроникеры закачали головами и зацокали языками. Коняхин участливо растолковал:

– Старичок, у тебя два выхода. Первый оставить сумку на бетоне, поздравив при этом аэродромные службы с удачной находкой. И второй... Сколько, ты говоришь, бутылок?

– Десять.

– Надо срочно их уничтожить.

– А иначе?

– Иначе – взлет, взрыв. А там скандал или вообще авария.

Шампанское выпили быстро, как лимонад на детском празднике. Самолет даже не успел набрать высоту. Тут появилась водка. Запас Здановича и Коняхина.

Едва Ломакин прикрыл глаза в алкогольной истоме, как его уже толкали в бок.

Над ним нависало лицо Коняхина:

– Собирайся, старичок, прилетели!

– Ой! Я так быстро никогда не летал.

– Что ж ты хочешь, мы ведь «машину времени» включили. Одной водки – три бутылки!

Московский квас

Снова таджикское лето девяносто третьего года. Мы вылетаем на границу все чаще. Нас уже хорошо знают и в Управлении, и на аэродроме, и в Московском отряде, куда обычно мы держим путь. Отряд обороняет самый опасный участок, это в его зоне ответственности происходят самые кровавые действия.

Начальник отряда – Василий Масюк. Молодой полковник. Выглядит, как киногерой. И ведет себя так же. Среднего роста, скуластый, худой, здесь, кстати, жирных военных нет. И еще он вечно насупленный и занятой. Лицом начальник отряда немного похож на певца Лещенко. Масюка можно видеть то возле штаба, активно объясняющего что-то группе обступивших его офицеров, то на вертолетной площадке в горном костюме с автоматом и картой. Он то летел на границу, то возвращался с нее пыльный и еще более сосредоточенный. Как-то мы попросили Масюка сказать нам несколько слов для записи, и он нам выдал:

– Я устал! Я устал охранять границу здесь. Но если мы отсюда уйдем, то будем вот так же воевать под Ростовом или под Астраханью.

В отряде мы ночуем в так называемой «приежке» – в одном из нескольких домиков, стоящих в ряд недалеко от штаба. В каждой тесная комнатка, в ней койки. Без кухонь, удобств и кондиционеров. В соседнем домике живет семья Бусуриных, эвакуированная с заставы «Баг». Вчера приезжал сам Дима, и мы выпивали. Вынесли стол на природу, нарезали арбуз и ели его под водочку. В пределах разумного.

Есть ли здесь проблема с водкой? В смысле, с ее наличием? Нет. Вы можете пройти мимо домов офицерского состава, оставив слева детскую площадку с каруселью, сделанной из несущего винта вертолета, и повернуть направо. Уткнетесь в запасные ворота. Они закрыты, но там, за железными прутьями, вы увидите толпу маркитантов. Это люди из местных. Разнообразия нет, вам предлагают лишь Русскую Водку. Правда, на этикетке написано по-таджикски «Араки-руси». Вы протягиваете за ворота сомоны, вам протягивают пузырь. Эта водка порой сильно отдаёт ацетоном, и от нее всегда болит голова. Но это ваш выбор.

Недавно мы были в гостях на заставе Бусурина. Впечатление? Я ж говорю – «каменный мешок». Как можно вот так жить, вдали ото всех, без надежды на помощь в случае чего, да еще границу охранять? Хотя... Здесь все заставы так существуют.

С «Бага» в Московский мы возвращались вечером в кузове одинокого грузовика. На каких-то шмотках, увязанных в плащ-палатки. Только выехали с территории, все наши попутчики развернулись и легли к левому борту, лицом к афганской границе, передернули затворы, загнали патрон в патронник. Все, готовы к стрельбе. Дима положил рядом со мной Калашников.

– На, Саня, на всякий случай. Вчера и позавчера наши машины обстреливали. Как сегодня будет?

Наутро, после арбузно-водочной встречи с Бусуриным, в отряде была назначена выставка. На плацу на брезенте разложили трофейные пулеметы, автоматы, гранаты, мины пластмассовые, итальянские. Это – с одной стороны. А с другой, на таком же брезенте, лежали трупы. Тел двадцать. Уничтоженные боевики. По мягкому от жары асфальту прогуливались какие-то гражданские люди и неизвестные военачальники. Работало несколько камер. Операторы нагибались над останками и трофеями и снимали детали. Несколько симпатичных женщин, взяв в кольцо Масюка, что-то записывали в блокноты. Это информационщицы: ТАСС, Интерфакс, таджикское агентство «Ховар». Под конец на плац, как на подиум, вывели пленных. Поводили по кругу, потом построили в одну шеренгу, дали снять. Впрочем, лиц пленных не было видно из-за грязных тряпок, повязанных на глазах. Одежда вчерашних моджахедов и боевиков напоминала облачение членов афганской делегации, недавно

прилетавшей на переговоры в Душанбе. Такие же длинные рубашки, просторные портки и блины-пакули. Пару человек были в чалмах. Ну вылитые басмачи.

За редким исключением, жизнь в отряде была скучна. Я еще не мог определять в людях полезные для меня качества. Погранцы как погранцы. Это позже я научился видеть: вот источник информации идет, вот источник. Цинично? Может быть. А тогда знакомства часто не имели в себе профессионального смысла. И обычно перерастали в дружбу. Вот тут на выставке рядом со мной стоял высокий лейтенант-пограничник с круглым лицом и большими ушами. Я толкнул его в бок:

– Ты кто?

– Лейтенант Гараков, начпрод отряда.

У меня внутри аж потеплело. Я вспомнил вкус баночной рисовой каши с тушеной. Сколько я ее слопал в армии, на полевых выходах... Тогда объелся, а теперь мечтаю. Инстинкт победил приличия.

– Начпрод? А есть что-нибудь перекусить? Человеческое?

Лейтенант взял меня за рукав и повлек. Через пару минут мы сидели в отрядной чайной. Я ел печенье, пил кофе со сгущенным молоком. Честно говоря, давился. Мне этот пищевой набор надоел еще неделю назад. А Гараков рассказывал.

– Я из Челябинска. Закончил Вольское училище тыловое. Старшиной роты был. Вот, попросился сюда.

Кофе и печенье были уже неважно.

– Старик, а есть что-нибудь наше, военное? Мясо там тушеное, кашка «дробь-шестнадцать»? Сало, может быть. С чесночком, а?

Гараков помрачнел:

– Знаешь, Саня, у меня на складе в холодильнике ребята наши лежат, погибшие. Иногда не успеваем переправлять.

Я поперхнулся.

На следующий день мы улетали. Перед убытием зашли в кабинет Масюка попрощаться. Настроение у начальника было приподнятое.

– Улетаете? Ну наконец-то оставляете меня в покое!

Я и не знал, что он так обрадуется. Надо бы каждый раз к нему заходить, поднимать боевой дух.

– Кваску московского хотите?

Масюк выставил запотевший графин. А у меня в голове все крутились слова Гаракова: «В холодильнике... Ребята наши погибшие...» Я смотрел на Масюка и никак не мог понять, о чем это он.

– Блин... Квас? Из столицы возите?

Начальник пожал плечами:

– Да здесь делаем. Отряд-то Московский.

Брат полка

Советский Союз кончился. Многие военные разъехались по домам. Армяне в Армению, молдаване в Молдавию, прибалты в Прибалтику и так далее. Не все, но многие. И пограничники уезжали. Офицеры, прапорщики. А Масюк вон остался, сколько ни звали на Украину. Как? Граница же. Ее охранять надо. Вот так же царская стража оставалась на Пяндже, когда в Российской империи и революция уже свершилась, и война гражданская была в самом разгаре. Они и с нарушителями воевали, и с басмачами. Пока на помощь не пришли сотрудники ОГПУ. А теперь? На афганскую границу присылают в подмогу командированных. И быстренько развозят по всей границе. Путаница, конечно, неразбериха.

Однажды к начальнику двенадцатой заставы Московского погранотряда Михаилу Майбороде приехал родной брат Иван. В гости. Из Липецка. Парень был молодой, веселый, можно сказать, хулиганистый. Но прижился. Спал не у брата в отдельной комнате, а в казарме. Ел с солдатами, потом автомат ему выдали, и стал Ваня ходить с нарядом в горы. В засадах сидел, было, что и стрелял. В людей, естественно, в нарушителей. И те стреляли. Романтика. Понравилось на войне Ване. Брат хлопотал, чтоб его призвали на службу, прямо из Таджикистана. Лучше так, чем дома гулять.

А застава была дружная. В футбол играли. Офицеры против солдат. Проигравшие сортир чистили. Все по-честному. Соревнования по стрельбе устраивали. Не попадаешь? Опять пожалуй с метлой в отхожее место. Раз в неделю концерты устраивали. Одни выступали перед другими. Пели под гитару. Дни рождения отмечали. Даже брагу гнали – офицеры свою, солдаты свою. Первые в открытую, а вторых разоблачить никак не могли. Заводилой был сам Патрон, так за глаза звали Михаила Майбороду. Любили его подчиненные. Хоть и военным он был до мозга костей, но справедливость не забывал.

По лихости от него не отставал и заместитель лейтенант Мерзликин. Оторвиголова. Его с Камчатки прислали. То ли прислали, то ли выслали... Вызвали вот так в штаб и сказали:

– Офицер Смирнов отказался ехать в Таджикистан, рапорт написал на увольнение. Ты как, лейтенант?

– Я согласен.

Но стали вдруг на заставе происходить странности. Крысы убежали с продовольственного склада. Ушли, и все. Кобра уползла, которая жила на контрольно-следовой полосе. Вараны исчезли. Даже гюрза, которую Мерзликин подкармливал молоком, и та не являлась. Посудачили и забыли. Дел полно.

А Ваня так и жил на заставе. Без статуса. Формально – гостил, а так – от солдата его было не отличить. Все не хватало начальнику времени вопрос с призывом решить до конца. А что, бывали примеры, вон, в Великую Отечественную войну. Взять того же Ваню Солнцева, сына полка. А Майборода-младший, получается, – брат. Брат полка.

Хороший Султан

В Таджикистан слетаются вертолеты. Экипажи гонят их по небу со всей России. И сами на них воюют. Все меньше свободных мест на пограничной площадке на Душанбинском аэродроме, все плотнее стоят машины. Нам часто выпадает летать с экипажем «Ми-8» из Хабаровска. Командир Николай Макаренко, борттехник Анатолий и штурман Саня по прозвищу Борменталь. Коля высокий, худой, отличительная черта – усы у него мушкетерские. Анатолий тоже носит усы, но они маленькие и черненькие, как и его шевелюра. Штурман похож на раскладной ножик – он высок, слегка сутулится. И у него есть своя отличительная черта – длинные-предлинные пальцы. В полете, бывает, он тычет указательным перстом в стекло блистера, указывая Николаю, куда лететь. Все они воевали в Афгане, в Карабахе, даже в Приднестровье. Макаренко – летчик-ас. А летать здесь в горах ой как непросто. Здесь вам не равнина. Вертолет то подбрасывает вверх на солнечном склоне горы, то прижимает вниз, когда залетаешь в тень. Тяжко. Разреженный воздух, пыльные посадочные площадки, да еще и стреляют в конце концов.

Мы уже не удивляемся, когда в Душанбе на аэродроме нас ждет знакомый хабаровский экипаж. И мы уже чуть наглеем, хозяйничаем на борту. Рассаживаемся по привычным местам. Ломакин, с камерой, поддерживаемый Самолетовым, – у распахнутой двери. Джавдет у раскрытого иллюминатора – с другой стороны. Тоже готов к съемке. Лично я облюбовал место в конце салона за желтым запасным баком. Под зад я кладу два ящика с цинками. Они тяжелые и на виражах не елозят.

Обычно перелеты в Московский проходят спокойно. А вот вдоль границы могут и обстрелять. Однажды, когда мы шли вдоль Пянджа на пятнадцатую заставу, экипаж заметил, как по нашему вертолету палят с какой-то сопочки. Азартный Макаренко развернулся и стал заходить на духовское гнездо внаглую, прям в лобовую, пуская по противнику неуправляемые авиационные ракеты. При каждом залпе машина замирала, тормозила, потом чуть проседала вниз. Анатолий добивал врага носовым пулеметом. Вертолет резко накренился влево, подставляя под очереди с земли правый бок. Борменталь отвечал, высунув ствол автомата прямо в сдвинутый блистер, не вставая со своей штурманской «чашки». Ему вторил прикомандированный бортовой стрелок. Дымя зажатой в зубах папиросой, он, еле удерживая в похмельных руках конвульсирующий пулемет, заливал свинцом все горы подряд. Ломакин с Джавдетом метались по салону, меняя ракурсы.

Стрельба закончилась так же быстро, как началась. Машина выровнялась, Самолетов открыл дверь в кабину:

– Коль, мы хоть попали?

Макаренко быстро обернулся и отвернулся, успев прокричать:

– Вряд ли!

А мы уже заходили на посадку возле «Пятнашки». На земле я увидел сгоревшую БМП с букетиком свежих алых тюльпанов на ржавой броне. Встречающий нас офицер объяснил:

– Тут нападение было, вот, в апреле. Нас пехота поддерживала, из двести первой дивизии. Танк подорвался на mine. Лейтенант погиб, Оловаренко. Говорят, на днях Героя дали. Посмертно.

Макаренко, почесывая затылок, поинтересовался:

– Нам тоже сказали вас поддержать. Что надо?

– Да вон там засели сволочи и портят нам кровь. Стреляют. То из пулемета, то из миномета. – Офицер указал на уже знакомую сопочку. – Десантники сейчас полезут ее брать.

К вертолету подошли парни в выцветших «горках», с «лифчиками», набитыми автоматными магазинами, – десантно-штурмовая застава.

– Можете НАРами по ним долбануть?

– Да мы долбили уже.

– Видели. Но вы же на контрольный круг не заходили? Попали-нет?

Макаренко снова почесал затылок.

– Остались у меня ракеты. Долбанем. Только человека дайте местного, чтоб точно указал, куда стрелять.

Двигатели снова зашелестели. В салон вместе с нами забрался сержант-пограничник. Почему-то с овчаркой.

– Это Султан. Он спокойный.

Мы взлетели метров на восемьсот. Погранец азартно тыкал в блистер:

– Вон!!! Вон они!!!

Сноп огня. Теплое дуновение в открытые иллюминаторы. Вертолет снова присел. И тут началось ужасное. Султан с диким воем ринулся в кабину пилотов. Машина заходила из стороны в сторону. Пес тонко скулил и рвал комбинезон Анатолия. Наш проводник с выпученными глазами метался вокруг:

– Фу!!! Султан, фу!!!

Оторвав овчарку от борттехника, пограничник зачем-то начал ее чесать и громко хвалить:

– Молодец, Султан, молодец! Хорооооший пес, хоооороший!

С хабаровским экипажем вертолета. В центре – жертва машины времени – оператор Александр Ламанин

Вертолет снижался, погранец оправдывался:

– Он не специально, перепугался. Он не специально. Он спокойный. Хороший пес!

Когда редуктор перестал крутиться и пса увели, Макаренко выпрыгнул на красную глину, закурил и задумчиво произнес:

– Хороооооший пес. Хороооооший. Чуть не упали.

Оставшиеся в живых

Зданович и Коняхин свое путешествие завершили. Переместились в Душанбе и отмокали в батальоне связи. Вот-вот самолет увезет их в Москву. Но, как это бывает в фильмах, – вдруг! Граница зашевелилась. ЧП. А какое? Никто не может сказать. Они в Управление, а там говорят:

– У нас такое! Что даже вам туда нельзя!

Поехали на аэродром. В последний момент в машину прыгнул мужчина, тоже с камерой. Плотненький, добродушный, даже уютный какой-то.

– Романов. Юрий.

– Откуда вы, Юрий?

– CNN. Стрингер. Тоже из Москвы.

На аэродроме загружался санитарный борт. Командир экипажа о москвичах даже слышать не хотел.

– Это боевая ситуация, мне пассажиров не надо!

Зданович, скрипнув зубами, с угрозой пообещал:

– Сейчас тебе все скажут!

Через десять секунд из распахнутого окна домика дежурных экипажей был слышен его крик:

– Але! «Вагон»! Мне командующего, пожалуйста! Полковник Зданович! Из Москвы!

Здоровья желаю! Это Зданович! Вы помните... Да-да, я! Нам необходимо вылететь в место осложнения обстановки! Да! Три человека! Так точно! Есть!!!

Играя желваками, он вернулся к пилоту.

– Слышал?!

– Да.

– Нужно тебя дополнительно связывать с генералом?

– Садитесь.

Уже в полете Коняхин склонился к Здановичу:

– Я думал все, не возьмут. Хорошо, генерал так отреагировал.

– Какой генерал? С ума сошел? Я там сам с собой разговаривал, хорошо в домике никого не было.

Хроникеров перебросили на поляну рядом с тринадцатой заставой «Йол». А там – муравейник. Пограничники, танкисты, пехота, вертолеты выются. Посередине Масюк.

– Так, Басманов!!! Тебе – взять вот эти две горки!

– Есть.

– Вцепиться зубами, но держать!

– Есть.

Обвешанный оружием парень сосредоточенно покивал и быстро ушел.

– Связь с заставой не появилась?!

– Никак нет!

– Так, давайте, саперы, вперед!

Оказывается, на двенадцатой заставе уже который час шел бой. Нападение.

И моджахеды, и таджикские боевики. Сколько их? Неизвестно. Много. Сначала Масюк пытался высадить ближе к обороняющимся своих десантников. Не удалось. Вертолеты к заставе подойти не могли, их обстреливали, окружающие высоты уже держал враг. Один вертолет боевики даже пытались затянуть на посадку, выходя на частоту авиации на русском языке. Пилоты быстро смекнули и послали боевиков подальше. Часть подмоги отправилась

по горам, параллельно ущелью. Основные силы шли по дороге, постоянно снимая фугасы. Медленно двигались, очень медленно. Хроникеры не выключали свои камеры ни на минуту.

Ближе к вечеру у яблоневых садов кишлака Соригор навстречу колонне вышли человек тридцать оборванных, окровавленных пограничников. Все были с оружием. Увидев своих, они, как могли, построились. А Масюк уже командовал:

– Врача мне сюда! Мне нужен немедленно врач, вызывайте вертолет!

Лысый военный в выцветшем маскхалате, сильно заикаясь, доложил:

– Товарищ полковник, представляю вам личный состав двенадцатой пограничной заставы. Оставшиеся в живых находятся перед вами. Заместитель командира заставы лейтенант Мерзликин. Здравия желаю, товарищ полковник.

Масюк обнял его. Многие плакали. Раненых рассадили в теньке. Врачи срезали ножами их окровавленное тряпье и вязали бинты. Среди живых оказался тот самый Ваня из Липецка. Он тоже плакал. Его брат, начальник заставы Михаил Майборода, остался в окопах. Там многие остались.

На следующее утро оператор Романов склонился с камерой над одним из многих присыпанных пылью тел.

– Кто это?

Стоящий рядом офицер смотрел в сторону.

– А? Это... Патрон.

– Кто?

– Майборода.

Оглушенный накануне танковым выстрелом Романов никак не мог расслышать.

– Мальборо?

– Майборода. Михаил. Начальник этой заставы.

Двадцать лет спустя

Душанбе изменился. Фонтаны, проспекты... «Таджичка», обновленная и недоступная по цене. Дорогие машины. Европейские кафе под открытым небом. Плазменные экраны со жгучей рекламой. Бескрайний зеленый парк в центре города, там, где стояли полки двести первой дивизии. А над парком – гигантский государственный флаг. Управление российской погранслужбы осталось на месте. Вот только российских пограничников на Пяндже нет. Все передано таджикским коллегам. Поэтому большое Управление превратилось в маленькое Представительство. Генерал, десятка два-три офицеров, немного служащих.

Иван Майборода шурился и смотрел на солнце. Он то снимал кепку, почесывая лысину, то надевал ее вновь. Из тонкого, жилистого «брата полка» он превратился в кряжистого, средних лет мужичонку с быстрым, сметливым глазом. Мы гуляли по городу. Дима Коняхин, погрузневший полковник в штатском, а рядом я, тоже не помолодевший. Ваня оглядывался, но улиц не узнавал. Он здесь не был. Тогда, в девяносто третьем, его после прилета сразу перевезли в отряд, потом к брату.

Мы с Димой задумали поставить в истории с двенадцатой заставой последнюю точку. Ездили в Липецк, Оренбург, Рязань, Уссурийск, Хабаровск. Особо никто нам ничего не рассказывал. Только генерал Мерзликин в Москве, ну, и полковник в отставке Масюк, живущий на Дальнем Востоке. Масюк плакал. Дважды записывали его интервью, дважды он не мог удержаться. Плакал Герой России Евланов. Он толком ничего не объяснял, но, когда Дима уговорил его посмотреть хронику, у Евланова потекли слезы, он сорвал микрофон и ушел. Со словами:

– Я сейчас разобью ваш компьютер.

Участник боя, бывший солдат, которого мы нашли в Рязани, вообще отказался с нами общаться. Наотрез. Его жена объяснила: да он ничего не хочет слышать о Таджикистане. Мы с ним за пятнадцать лет никогда об этом не говорили.

А вообще, вроде все ясно, хронометраж событий известен, расследование проведено, есть живые свидетели, но... Что-то не то. Посудите сами. В начале второй чеченской кампании я случайно встретил на Ханкале одного офицера, подполковника. Узнал. Он был сотрудником военной прокуратуры, и я как раз встретил его на заставе. После боя. Еще капитаном. И вот он пришел ко мне в гости на чеченскую базу, а я взял да и навесил ему на камуфляж микрофон. Неожиданно. Попросил рассказать о старом расследовании. Подполковник долго молчал. Он сильно нервничал. Потом сказал:

– Я не буду ни о чем говорить.

И ушел. Позже, говорят, этот человек пропал. На него подали в розыск. То ли обвиняли в чем, то ли он сам по себе удалился. Не знаю. И связано ли его исчезновение с нашей историей – тоже не знаю. И вообще, жанр расследования – это не мой конек. Мне бы на войну, где герои сами все рассказывают, только успевай камеру направлять.

А в этой истории стало всплывать много слухов. Говорили, что Масюк за десять часов до нападения приказал поднять на командные высоты людей, но начальника заставы Михаила Майборода в ночь перед делом на месте не было. Он-де приехал поздно. А Масюку докладывали, что все нормально, посты уже поднимаются в горы, вот-вот займут позиции. На самом деле никто никуда не ходил. А на вершинах утром оказались боевики, они-то и расстреливали заставу с высот. Еще говорили, что первым моджахедов заметил пулеметчик-таджик, но он сделал всего пару выстрелов и убежал, хотя мог сдерживать наступление долго, а его товарищи успели бы подготовиться к обороне. Еще утверждали, что начальник разведки убеждал Масюка до последнего: нападать будут на одиннадцатую заставу, о двенадцатой речи не было. Убеждал, пока не начался бой. Интересно, почему радиостанция

так быстро вышла из строя и связь с отрядом моментально прервалась? Да еще этот приказ коменданта, запрещающий хранить боеприпасы в окопах. Склад первым же ударом был уничтожен, и патроны у обороняющихся оказались в большом дефиците. Но самое главное: уже в госпитале участники боя, мол, договорились никому из журналистов ничего не рассказывать. Нигде и никогда. Так, не так... Не знаю. Тогда в госпитале интервью Коняхину и Здановичу дал только Иван Майборода. Сказал, что обязательно останется служить, чтобы мстить.

И вот мы в Таджикистане двадцать лет спустя. Ваня служить не остался. Карьеры нигде не сделал. Жил простым работягой. Писал песни про войну, такие, солдатские, и пел их своим друзьям, подыгрывая себе на гитаре.

Перед тем как отправиться на место боя, мы пустились в долгое путешествие на север страны. Три тоннеля, два перевала. Нас ждал Мирбако Додоколонов, еще один бывший солдат-ветеран. Это он под огнем бегал в горящую казарму и приносил остальным в окопы цинки с патронами. Получил орден «За личное мужество». Для бесправного гастарбайтера, кладущего плитку в России, этот орден теперь как охранный грамота.

В кишлаке, у дома Мирбако, Ваню ожидало серьезное потрясение. На пороге стоял молодой, абсолютно седой парень. Иван обнялся с Мирбако. Вежливо поздоровался с незнакомцем:

– Добрый день. Иван.

– Да мы знакомы, служили ведь вместе. Я Азим. Помнишь меня ...

Ваня сощурился, провел ладонью себя по щекам, будто проверяя небритость. Он смотрел на седого очень внимательно. Потом они обнимались, пили чай и водку на достархане. Мы с Коняхиным пошли в гостиницу, чтоб не мешать.

Тогда, в бою, оставшиеся в живых не взяли Азима с собой на прорыв. Он был тяжело ранен и не мог идти сам. Его положили рядом с заставой и забросали ветками. Азим видел, как моджахеды бродили по развалинам, как добивали раненых, как рубили лопатой голову кинологу-проводнику Елизарову. Это война...

А на следующее утро мы уже ехали на границу. Ваня периодически просил остановить машину и шел пешком. Я не видел, чтоб он волновался. Только все время курил. На развалинах он заплакал. Потом завыл.

Через год, двадцать восьмого мая, в Липецке проходил песенный фестиваль.

На сцене висел транспарант: «С праздником, дорогие пограничники». Вечером в пустом зале один из участников, Иван Майборода, встал перед этой надписью на колени и плакал. Его долго успокаивали и, наконец, увели. А утром Ваню нашли за кулисами. В петле. С запиской – «Простите меня, ребята».

Пришлось нам грязь и кровь мешать замызганной кирзою,

Пришлось кому-то умирать, чтоб всех прикрыть собою,

И, когда кто-то из боев назад не возвращались,

Друг перед другом никогда мы плакать не стеснялись.

(Иван Майборода)

Абхазия. Миротворчество (очередь вторая)

Военный язык. или пир горой

Я никогда не был в Абхазии. Кто-то из наших ездил туда отдыхать, потом кто-то снимать войну. Все мимо меня. Но вот однажды на «Вестях» прозвучало:

– Сладков, иди оформляй командировку.

– Таджикистан?

– Абхазия. Наши туда миротворцев вводить будут. Езжай – встречай.

Я, Рыбаков и Кукушкин. Внуково. На рейс опоздали. Вернее, чуть не опоздали. Багаж не сдали; пока бежали к трапу, рассыпалась сумка с кассетами. Когда оказались в салоне, у каждого язык был на плече. Небольшое ерзанье, чуткий сон и объявление:

– Самолет готовится совершить посадку в аэропорту «Адлер», пристегните привязные ремни!

Из раскрытой двери дунуло, как из печки. Жара. Пальмы. Вот это да! Они даже в Душанбе не растут. Дальше таксисты, переговоры. Нас довозят до пограничной реки Псоу. Через мост со всем скарбом пешком. Там свои таксисты, абхазские. Едем по щербатой дороге мимо разбитых мостов, объезжая воронки от снарядов и даже бомб. Два года здесь шла битва. Грузины пытались унять Абхазию. Мол, не уходи, останься с нами. Впрочем, вместо уговоров они подняли два боевых вертолета и вдарили по пляжам ракетами. Кому такое понравится? Вот и началась здесь война.

Горный серпантин перед Сухумом, или «тешин язык», как его называют абхазы, никак не заканчивался. От крутых поворотов уже начинало мутить. А потом появился город. Тоже частью разрушенный.

– Вам куда конкретно?

– Санаторий Московского военного округа.

– А, МВО... Вот, пожалуйста.

Такси уезжает, мы остаемся в темноте перед большими воротами, за железными прутьями которых виднеется часовая. В каске и с автоматом. Его угрюмое лицо говорит о нежелании с нами общаться. А мы вынуждены.

– Как нам попасть в штаб?

– Нельзя.

– Нам в пресс-центр группировки надо.

– Нельзя.

Я обращался к нему, как гражданский. Вежливо, мило, интеллигентно.

Это ошибка. «Error! Error!» Не надо было так делать. Объясню. Военные, как правило, понимают только военный язык. А он, как это вам помягче сказать... Несколько отличается от обычного. Помню, мы с моим бывшим сержантом, Сергеем Суховеенко, с которым в училище вместе учились, как-то подъехали к КПП Звездного городка. Я был за рулем. Надо было проникнуть внутрь.

– Двигай к воротам!

– Серег, там наряд, не пустят.

– Давай-давай.

Мы еще не подъехали к воротам, а Сухой, высунувшись по пояс из окна моего «Дефендера» и выкатив глаза, уже орал на солдата:

– Что смотришь на меня!!! Отворяй!!!

Боец, не мигая, словно заколдованный, смотрел на нас и не двигался.

– Отворяй, кому говорю! Надо!!!

Тот сорвался с места и загремел засовом. Мы заехали в Звездный без всяких заявок и пропусков. Язык надо знать. Военный.

Здесь, в Сухуме, орать я не стал. Я подошел вплотную к воротам, зверски уставился на часового и, выдвинув челюсть, прошипел, как удав:

– Солдат... А ну, быстро пошел, покрутил ручечку ТА-57, связался с оперативным дежурным и передал для пресс-центра, мол, приехала группа из РТР. Бегом!

Знаете, сработало. Через пять минут к нам уже вышли двое взрослых мужчин в трениках и выцветших майках. И даже представились.

– Начальник пресс-центра полковник Герасимов.

– Офицер Управления информации Минобороны России полковник Лучанинов.

А продолжили весьма неожиданно:

– Водка есть?

– Есть... «Асланов»... Три бутылки... А закуска?

– О! Этого у нас море! Сейчас устроим! Пир горой!

Через секунду мы уже шагали в штаб. Он располагался в одном из жилых корпусов санатория. Нас поселили рядом с пресс-центром. Потом мы собрались у наших новых знакомых. На столе, сверкая, высились три литровые бутылки водки. Лучанинов долго хлопал дверцами шкафов и тумбочек, рылся в своем чемодане и, наконец, воскликнул:

– Есть!!!

В руках он держал консервную банку килек в томатном соусе. Я насторожился:

– Что это?

– Закуска!!! Давай разливай!

Вот тебе и «пир горой».

Миротворец на посту у реки Ингури. Дальше Грузия

Пул

Встретившие нас офицеры оказались персонажами замечательными. Они сразу, как бы это точнее сказать... Они подпустили к себе. И не в водке дело. Не было между нами вуали секретности, официальщины.

Александр Лучанинов – седой полковник лет сорока. Афганистан, Таджикистан, вот теперь Абхазия. Высокий, стройный, голова круглая, нос прямой.

Голос его, мягкий баритон, в любых сложных ситуациях неизменно меня успокаивал.

Лучанинов, или Луча, как мы прозвали его между собой, никогда не кричал. И никогда не терял присутствия духа.

Второй полковник – Виталий Герасимов. Невысокого роста, тоже лет сорок. Бывший танкист. Лицо чуть с прожилками. Голова слегка вытянута, волосы седые и выющиеся. Отличительная черта? Никогда не унывающий человек. У него всегда хорошее настроение. Он тонок в формулировках, ироничен, всегда галантен и внимателен к окружающим. Утром Герасимов подвел нас к группе стоящих у штаба журналистов и определил план работы.

– Едем встречать войска. Вот, знакомьтесь, ваши коллеги.

Я поочередно пожал каждому руки.

– Сладков, РТР.

– «Красная звезда», Сергей Прокопенко (худощавый, белая кожа, черные волосы и такие черные пышные усы, ослепительно белая рубашка, белые парусиновые брюки и белые туфли).

– Сергей Каразий, «Рейтер», оператор (невысокий, худой, с узким лицом и длинными прямыми редкими волосами).

– Алекс Власов, тоже «Рейтер». Только Сергей – оператор, я – фотограф. Он из киевского бюро, я из Франции (небольшого роста, коренастый, весьма похож на актера Ван Дамма, только волосы черные, только тот слащавый, а этот внешностью чуть грубоват).

– Юрий Романов, CNN.

– Юра!!!

Романов. Как я ему обрадовался! Я еще не привык к таким встречам.

Это потом мне будет казаться, что по войнам путешествуют одни и те же. И мы будем встречаться на Кавказе, на Балканах, в Ираке, Сирии и так далее... С Романовым мы бок о бок трудились в Таджикистане. С ним всегда легко и спокойно. Уютный мужик. Он старше всех нас, ему лет пятьдесят. Кругленький весь, но не толстый, вечно улыбающийся. Не дежурно, а искренне. Кроме остальных положительных качеств у Романова чутье росомахи: если он здесь, значит, будет у нас работа, не застоимся.

Виталик Герасимов заложил руки за спину. Я заметил, это у него привычка такая. Осмотрев наш небольшой отряд, он продекламировал:

– Войска прибывают наземным транспортом, по воздуху и по земле. Предлагаю рассредоточиться, чтоб не толпиться в одном месте.

Так образовался наш маленький абхазский журналистский пул. Кто-то отправился в Гудауту на аэродром, кто-то в Сухум на вокзал. Мы снимали войсковые колонны, идущие со стороны Псоу. Говорили, что приедут контингенты из Киргизии, Таджикистана и Казахстана. Мы видели только наших. К вечеру объявили: в Абхазию зашли Коллективные силы по поддержанию мира. Полторы тысячи человек. Грузовики, броня, артиллерия. Ну, правильно, что еще нужно для надежного мира?

Космические яйца

– Мне кажется, что я скоро на каждой мухе буду видеть маленькие буквы – «МС».

Француз Алекс сидел в теньке, тянул папиросы «Gitanes» и рассуждал:

– Везде «МС»! На касках «МС», на машинах «МС», на повязках «МС»!

Полдень. Солнце стояло в зените. Нам всем было жарко. Полковник Герасимов обмахивал себя тетрадкой и усмехался:

– Алекс, не сходи с ума, чем больше «МС», тем меньше войны.

У Власова русские корни. Там, у себя в Париже, он жил вместе с родителями. Служил в Иностранном легионе пять лет. Искал, что бы найти взамен.

Увлёкся фотографией, подписал контракт с «Рейтер» и поехал в Россию. Видать, за приключениями. Говорит, во Франции у него уже никого нет, кроме большого старого кота, за которым смотрит соседка.

– Давайте, ребята, собирайтесь. Сейчас поедете на разминирование.

Мы садимся в старенький желтый «еразик», и он, скрипя, влечет нас к линии соприкосновения с грузинскими войсками. За рулем молодой парень, местный абхазский журналист. Рядом в кабине его коллега, девушка с камерой и фотоаппаратом. Километра через два Герасимов начинает всматриваться в мелькающие дома.

– Так, Хасик, давай помедленнее! Стой! Приехали.

Нас привезли к недавно развернувшемуся лагерю саперов. К нам вышел капитан в КЗСе, ну, то есть в камуфляже защитном сетчатом, в зеленом берете, опять же с эмблемой Миротворческих сил «МС». Следом появились саперы и проводник с немецкой овчаркой. Капитан закурил, бойцы начали уныло тыкать щупами в твердую землю обочины, а проводник поволок своего пса вдоль дороги. Несчастная собака не слушалась и все время припадала к земле. А мы тем временем стояли, засунув руки в карманы. Обернувшись на нас, капитан выплюнул сигарету и взбеленился:

– Вы почему не снимаете!?

– А чего снимать-то?

– Как вам не стыдно! Мы с пяти утра на ногах! Собаки вон совсем выдохлись! Так вышли вот и показываем вам разминирование! Почему не снимаете?!

– И не будем снимать. Нам нужно снять разминирование, а не вот это вот шапито.

Герасимов уволок кидающегося в драку капитана обратно в лагерь. Тем временем местный репортер Хасик сообщил:

– Я знаю, где разминируют. На Ингури, у ЖД моста.

Дождавшись старшего, мы забрались в наш «еразик» и двинули на реку Ингури. Разбитая асфальтовая дорога сменилась грунтовкой. Было видно, что по ней уже давно никто не ездил. Француз Алекс засуетился:

– Мы куда едем?

– Тебе ж сказали, на разминирование.

– Тут мины.

– Че-го?!

– Я чувствую, тут мины.

Хасик и его сопровождающая рассмеялись:

– Да мы всю войну тут снимаем. Какие мины? Сейчас привезем вас и все покажем.

Русский француз не унимался:

– Дайте я тогда перед машиной пойду!

В конце концов проснулся Герасимов.

– Алекс, да уймись ты! Весь день сегодня бурчишь! То «МС» тебе не нравятся, то мины кругом. Паранойя какая-то.

Фотограф чертыхнулся, перебрался в просторный багажник микроавтобуса и, демонстрируя пренебрежение то ли к нам, то ли к опасности, лег, закинув ногу на ногу, и принялся листать какую-то толстую книжку.

– Вот и приехали.

Хасик и его коллега выпрыгнули наружу. Перед нами лежала большая поляна размером в футбольное поле. Она полностью была покрыта высокой, сочной травой. За поляной стоял ржавый железнодорожный мост через реку Ингури. На той стороне уже была Грузия. Слева виднелись заброшенные дома. На участках из-за буйных кустов торчали кроны деревьев, покрытые ярко-желтыми абрикосами. Герасимов, заложив руки за спину, прошелся к мосту по тропинке. Я двигал следом, на всякий случай ступая след в след. Тишина. Никакого вам разминирования. Вернулись. Я уже было полез в «еразик» поспать, как услышал треск ломающихся веток. Господи... Наши абхазские коллеги уже орудовали в саду. Они ломали кусты и, весело балагуря, собирали абрикосы.

Куда?! Мины! Я уже хотел закричать им, но мне на плечо вдруг легла рука. Я обернулся – не опуская камеры и не выключая ее, мне половинкой рта улыбался Романов. Потом он убаюкивающе кивнул мне и приник к видеоискателю. Ну, дядя Юра... Ну, ты даешь. Прямо на живца сюжет ловишь.

А на следующий день мы снова были здесь. Только картина у моста была другая. Саперы опять пахали с пяти утра. Вся поляна была утыкана красными флажками с надписью: «Мины!» Все тот же капитан, расставив руки, остановил нас:

– Погодите, погодите! Сейчас танк с «яйцами» пройдет, и можно подойти к мосту.

Заурчал танк. Он проехал мимо нас, толкая впереди «яйца», ну, то есть КМТ, колеяный минный трал, такую тележку с тяжелыми ребристыми катками. Чтобы проутюжить дорогу, обезопасить ее от противотанковых мин. Мы стояли и ждали. Только Романов опять включил свою камеру. Танк уже доехал до конца поляны, и вдруг... Да. Вдруг. Собственно... Вы когда-нибудь видели, как запускают ракету в космос? Ну, хотя бы по телевизору? Вот так и здесь. Я уж не знаю, что там зарыли в землю, какую бомбу или фугас. Но раздался хлопок, танк подпрыгнул, а трал улетел в небо. И не вернулся. Наверное, до сих пор его мотает по орбите вокруг Земли.

Мы молча переглянулись. Русский француз выставил вперед подбородок и покивал головой. А что говорить, и так все ясно. Романову опять повезло.

Звезда CNN

Пул у нас подобрался чудесный. Возьмите хотя бы Серегу Прокопенко из «Красной звезды». Ну, тот, что весь в белом. Так вот, постепенно его одежда стала чернеть. Попробуйте поехать в таком наряде на броне, потаскаться по пыльным постам, поскачите из «еразика» в грузовик и обратно. А почему Серега оказался весь в белом? Тут история. Шел он себе, шел на работу. Вернее, на службу в редакцию. В Москве жара, вот он и оделся сугубо полетному. Только зарулил в кабинет – звонок. Главный редактор.

– Прокопенко?!

– Я, товполковник!

– Быстро собирайся, летишь в Абхазию.

– Так надо домой заехать...

– Самолет через два часа. Дуй на Чкаловский!

– Есть...

Вот и весь секрет. Развернули Серегу и пыром по копчику. Даже переодеться не успел. Но не в этом суть. Через неделю из «Красной звезды» примчалась подмога. Петя Карапетян. В точно такой же белой рубашке, в белых парусиновых брюках и белых туфлях. Вот такой внешний вид. Как вы считаете, почему?

И вот теперь, когда мы выходим на море купаться, Прокопенко и Карапетян, игнорируя водные процедуры, прогуливаются по береговой гальке под ручку, как двое умалишенных. Перешептываются, обсуждают что-то. Наверное, боевую готовность редакции. О ее способности молниеносно выслать своих корреспондентов в любую точку планеты. Или просто жалуются друг другу на своего командира.

А тут Серега Каразий из «Рейтера» в своем номере развернул спутниковую тарелку. Нам на зависть. Чудо техники, что говорить. Наснимал он, скажем, за день материал, пришел домой, протянул проводки от тарелки с камеры, чпок кнопочку – и картинка уже в Лондоне. Да что там картинка, Серега еще и звонит кому хочет через свою тарелку. Виталик Герасимов заинтересовался такою возможностью.

– Серег, а можно домой позвонить?

– Виталь, конечно, можно, но дорого, черт.

– Сколько?

– Пятнадцать долларов минута.

– Дороговато для российского полковника.

– Там, правда, режим есть: платит принимающая сторона. Ей счет придет.

Поговорили и забыли. И вдруг Виталик опять к этой теме:

– Серег, все-таки пойду позвоню.

Ушли. Мы подождали. Каразий вернулся. Недоуменно пожал плечами.

– Уже минут десять болтает.

Вернулся Герасимов. Сел, закурил как ни в чем не бывало. А меня жгло любопытство. Да ведь он баксов на двести наговорил.

– Не жалко, Виталь?

– Чего?

– Да денег.

– А, денег... Да я соседям позвонил. Попросил, чтоб жену позвали. Так лучше.

– Конечно, лучше. Счет-то им придет.

Виталик махнул рукой:

– Да мы все равно в ссоре. Пускай чешутся. Поехали лучше работать. У нас сегодня опять разминирование. Вернее, уничтожение боеприпасов.

На этот раз ничего героического не произошло. Работали мы в населенном пункте Приморский. Вместе с полковником Саламахиным, профессором из подмосковного НИИ по саперному делу. Пока доехали, замучались. Профессор то и дело останавливал наш БТР и колдовал над каждой встречной воронкой, обводя ее кромки попискивающим миноискателем. Мы потихоньку роптали, не смея высказывать свой протест вслух. Саламахин был признанным светилом в вопросах минирования и разминирования. Гуру бомб и тротила.

Саперы миротворческих сил. Везде аббревиатура «МС»

В Приморском нас ждала целая свалка старых снарядов. То ли их не успели по кому-то пустить, то ли успели, но они не сработали. Тем не менее бойцы брали их на руки, как грудных детей, и в жарком мареве, колонной, затылок в затылок, несли к Черному морю. Там под руководством профессора складывали их на берегу. Операторы снимали, а солдаты все несли и несли. В итоге Саламахин обложил боеприпасы тротилом, и этот склад рванул, сотрясая окрестности. А сюжет об этом вышел в вечерних «Вестях». Но тут, на ужине, за стаканчиком чачи, выяснилась еще одна важная деталь минувшего дня. Я неожиданно-негаданно стал звездой CNN. А все очень просто. Романов стоял и снимал колонну бойцов, несущих снаряды. Снимал, так сказать, на длинном фокусе. Картинка получалась очень красивой, глубокой, со смыслом. Бойцы вышагивали аккуратно, с напряженными лицами. То, что надо. Любуясь своей работой, Юра не заметил, как на заднем плане появился я. И не просто появился, а влез в кадр, справляя нужду. Ну, решил побрызгать и все. А в Лондоне, на монтаже, решили пожертвовать моралью и вставили этот момент в репортаж. Теперь и я, и саперы, и Саламахин вошли в историю. Навечно.

Домашний салют

Командующий Миротворческими силами генерал Якушев предложил нам снять его переговоры с грузинскими представителями. Естественно, мы согласились. Нам выделили армейский «уазик», и мы в составе колонны рванули в Сванетию. Сначала вдоль берега моря, а потом по горам. Через Кодорское ущелье. Прошел час, и мы въехали в облака, разрезая их «уазиком», как самолетом. Ехали еще час, и открылась перед нами сюрреалистичная картина. Представьте – горное ущелье, волнистая дорога, идущая над рекой. А на дороге – желтые городские автобусы, голубые троллейбусы. Не хватало только трамваев. Оказывается, братья-грузины, когда из Абхазии отступали, решили прихватить с собою побольше добра. Ну, там, ковры, мебель, стройматериалы. А в чем везти? Вот и решили использовать городской транспорт. Волокли его на прицепе. Не рассчитали. Бросили. Теперь мы весь этот бродячий автобусный парк старательно объезжаем.

В населенном пункте Латы мы совершили привал. У поста добровольцев-казаков из России. Замминистра обороны Абхазии, по-моему, по фамилии Табахия, зашел к ним, поприветствовать. И тут же начал кричать:

– Это что такое!!!

– Это от комаров...

– Я вам дам от комаров!

Табахия выволок на свет несколько кустов конопли ростом с кремлевскую елку.

– А ну сжечь! Тоже мне, анашой с комарами борются!

В Сванетии нас ждал главный сван Эмзар Квициани. Добрались мы к нему лишь в середине дня. Познакомились. Молодой парень. Огромный рост, сам крепкий, но не полный, нос крючком, черная борода. Одет – армейские портки, черная майка, а поверх меховая жилетка. Про него говорят, мол, до войны интересовался сельским хозяйством. Даже учился, то ли в Волгограде, то ли в Новосибирске. А по другим сведениям, Квициани закончил пехотное училище в Киеве, еще в советские времена. Так или иначе, в начале девяностых он организовал сванский отряд «Охотник», с которым и воевал в Абхазии. Естественно, на стороне Грузии.

Переговоры проходили странным образом. Все-таки они больше напоминали пьянку. Мы все, и сваны, и приехавшие российские миротворцы, абхазы, поляки и шведы – военные наблюдатели ООН, встали в круг. Посередине накрыли поляну, огромные пузыри с чачей и с мандаринами в роли закуски. Протокол был такой – каждому в руки дали полный стакан. И присутствующие по очереди, по кругу, произносили тосты. Ясное дело – за мир, дружбу. После первого круга датчанин присел на камушек. Поляк курил и улыбался. Наши только порозовели.

В конце концов к Эмзару пришел посыльный и сообщил, что у него родился сын. Да... Я знаю, что на Кавказе есть традиция: когда люди радуются, они стреляют в воздух. Ну, там, из ружья, из автомата. В крайнем случае из пулемета. Эмзар Бекмурзаевич превзошел мои представления о домашних салютах. Он бил в небо из зенитной установки ЗУ-23.

О чем грузины и абхазы договорились, я так и не понял. Разъезжались мы поздно. Помню только, что они обнимались и целовались в конце. Наверное, решили установить мир. Главное, чтоб с утра не передумали.

Заколдованный автобус

Абхазия – весьма своеобразная страна. Земля здесь настолько плодородная, что, кажется, воткни в нее лопату, не штыком, а черенком вниз, и деревяшка прорастет. Да еще плоды давать будет. Пляж? Каменистый, галька. Босиком больно ходить, зато море чистое. Кухня? Вот тут особый разговор. Если вы хотите поесть что-нибудь этнического, пожалуйста в апацху. Что это такое, вы спросите. Кафешка. Стены, плетенные из лозы. Крыша. Посередине апацхи располагается очаг. Над ним, на цепи, тянущейся от высокого потолка, висит огромный казан. Для приготовления главного абхазского блюда в казан наливают воды. Доводят ее до кипения. Тут настает черед кукурузной муки. Ее сыплют в кипяток, помешивая образующуюся белую жижу. Получается мамалыга.

Там, наверху, над очагом висят куски мяса и гигантские таблетки абхазского сыра. Все это дело коптится. И вот когда вам подают тарелку с кашей, в придачу вы получаете нарезанные кусочками мясо и сыр. Вы берете эти кусочки и втыкаете в мамалыгу, разогреваете их, так сказать. Заодно сообщая каше неповторимый вкус и аромат.

Что пьют в Абхазии? Лимонад. Тут чуть ли не в каждом дворе есть свой заводик. Вино домашнее пьют. И красное, и белое. Чачу пьют, перегнанную из вина. Если чача добротная, утром у вас не будет болеть голова.

Но чтоб пользоваться всеми этими прелестями, необходимо время. Надо врать в обстановку, распробовать, в какой апацхе кухня вкуснее, где чача почище. У нас таких возможностей нет. Мы пашем на ниве новостей. А посему... Если нам и хочется полакомиться алкоголем, мы покупаем в ближайшем ларьке вино и чебуреки. Выбор вина невелик. Лучше всего брать «Букет Абхазии», или как он звучит на местном – «Абсны абукет». Ну, вы поняли, прибавляете к слову впереди буковку «а» – и все, вы уже перевели его на абхазский. Да, о вине. «Букет» – штука вкусная, только хлопья осадка на дне бутылки настораживают. Но это поначалу, к середине вечера беспокойство уходит.

И вот однажды «Абсны абукет» сыграл с нашей съемочной группой злую шутку. Договорились мы с главным военным наблюдателем местной миссии ООН об интервью. Это был полковник из Швеции. Он располагался в соседнем корпусе этого же санатория МВО. А как договорились, пообещали, что интервью главы миссии пойдет не только на РТР, но мы передадим его еще и в бюро шведского телевидения в Москве. И это было чистой правдой. Мы сидели и ждали команды на выход. Час, два, три. Жара. Воды в кране нет.

– Что у нас там есть из попить?

– Да нет ничего. А, стоп. Вино есть. «Абсны». В холодильнике.

Представляете, холодненькое. Можно же глотнуть по стакашке, не повредит. Так и сделали. Еще час ждем. Прихлебываем. Уже совсем было расслабились, а тут посыльный – тук-тук в дверь.

– Вас зовут.

Вот и пошли мы к полковнику из Швеции в кабинет. А мне что-то так смешно стало. Нелепость какая-то. Жара, пляж под боком, вино ледяное, а мы работаем. Да еще интервью придется сейчас брать на английском. А я говорю на нем через пень-колоду. Так и зашел к нему, хихикая. Пока ставили аппаратуру, ооновец завел разговор. А кто, мол, там у вас в Москве руководит шведским телевизионным бюро. А я помню? Стал вслух вспоминать:

– Ева... Ева-Ева...

Полковник улыбался и ободряюще кивал головой. Ну, я и ляпнул:

– Ева Браун.

И сам засмеялся. Надо же как. Не туда попал. Взял, да и назвал ФИО подружки Гитлера. Швед сделал вид, что ничего я такого и не сказал. Но шероховатости у нас в тот день

не закончились. Сначала Рыбаков гонял его по коридорам корпуса в синей ООНовской каске на голове. Перебивки снимал. А потом захотел запечатлеть полковника за его рабочим столом. И стал перекладывать документы на его столе, чтоб покрасивше все было. А тут сквозняк, ветер. И унесло служебные бумаги Главы миссии военных наблюдателей через балкон на улицу. Как будто листовки пропагандистские с вертолета выкинули, вот так все выглядело. Хорошо, что мужчина он оказался сдержанный и покладистый. Отпустил нас с миром. Правда, я приехал в Абхазию как-то еще раз, и нужно было связаться нам с военными наблюдателями не помню по какому поводу. Я похвастал:

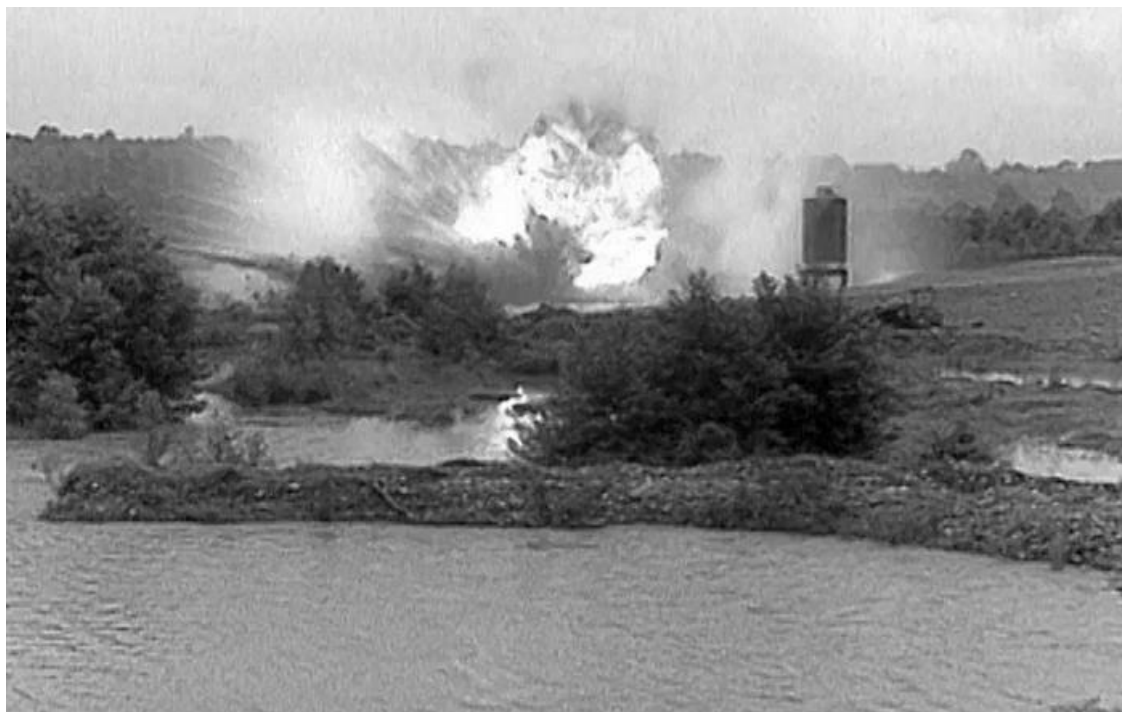
– Да меня там все знают.

И действительно. Швед запомнил нашу встречу. Когда он вышел на порог и увидел меня, то всплеснул руками, и сказал почти по-русски:

– О май Гад! Сладков! Что я такого сделал, что ты опять здесь!

Но я вынужден вернуться к моему рассказу о моей первой командировке в Абхазию. Вернее, к ее завершению. Все было так. Опять мы поехали на уничтожение найденных боеприпасов. В этот раз нам выделили санаторский автобус, новенький желтенький ПАЗик. Главным был НИС, начальник инженерной службы Миротворческих сил. Полковник – с татарской внешностью, именем и фамилией, высокий, стройный, усатый – настоящий воин. И вот он привез нас на ту сторону Ингури к каким-то заброшенным каменным строениям. Что там делали саперы? Они складывали танковые снаряды кучкой на дно огромной авиационной воронки, накладывали тротил и поджигали бикфордов шнур. Все прятались. Звучал взрыв, и дальше опять складывали. Снова шнур, снова взрыв и так далее. Так провозились до обеда. А потом младшие офицеры вышли к НИСу с рацпредложением:

– Товполковник, а давайте загрузим воронку по полной. Все сложим. Шнур отмеряем подлиннее, подожжем, сядем в автобус и поедем себе. Пока горит, успеем уйти.

Гигантский взрыв на Ингури

НИС пожевал ус и согласился. Сказано – сделано. Закидали воронку снарядами по кромку, подожгли шнур. Все по плану. Заскочили в автобус. А он что? Правильно, не заводится. Послушали мы еще полминуты, как дедушка-водитель крутит стартером, и разбежа-

лись кто куда. Чтоб вы понимали степень ажиотажа – пока укладывались за камнями, я успел локтем разбить стекло в рыбаковских очках. Помню взрыв. Атмосферу болтануло, как во время землетрясения. Помню НИСа. Он почему-то не отбежал от автобуса. Просто сидел на корточках на дороге и неистово крестился. А вокруг него падали огненные шары размером с баскетбольный мяч. Мы еще долго лежали в укрытии. Автобус, ясный перец, стоял без стекол. И надо же, завелся после взрыва по первому требованию. По дороге, через три километра от места взрыва, мы наехали на один из наших постов. Из укрытия навстречу выскочил офицер.

– Что у вас там было?! Нас осколками так осыпало, мы аж в окопах засели по тревоге.

НИС ничего не ответил. Да он и всю дорогу молчал. Наверное, думал о путанице религий. А что касается меня... Так я после этих мин и взрывов уже дома, на даче, не то что в кусты старался не лезть за малиной, даже с асфальта сходить опасался. Привычка, тротил твою мать!

На базе саперов МС России. Как работать, никаких карт минирования и минных форм-муляров

Чечня. Обратная сторона войны (очередь третья)

весна 95-го года

Прелюдия

Что такое Моздок? Это вам не просто перевалочная база, стоящая вдалеке от войны. Здесь есть свои герои. Сюда прилетают начальники, но не все они потом идут в бой. Зачем? Орден и так можно получить. И удостоверение участника боевых действий.

Сколько таких заветных книжечек на руках? Миллионы. Есть формальные ветераны, которые, кроме Моздока, ничего не видели. Иногда паркетному служаке достаточно передать из Москвы командировочный, а в Моздоке верные люди его отметят «как надо». Есть печать? Есть. И ты уже фронтовик. Как тот солдатик, чей Калашников не остывает от стрельбы в грозненской мясорубке. Как комбат, охрипший, простывший, контуженый, отказывающийся ехать в тыл от своих бойцов. Теперь и ты можешь скромно упомянуть о себе в льготной очереди на квартиру. Можешь пробросить фразу тихонько, в курилке, мол, «мы, фронтовики». Можешь, в конце концов, крикнуть громко на какой-нибудь пьянке: «А я что, не был?!»

Проходящие службу в Моздоке – не на войне, а при войне. Хотя... Есть здесь и реальные люди. Вон вертолетчики – по пять раз в день взлетают и, если повезет, возвращаются, привозят усталый спецназ, раненых и убитых, дырки в своих фюзеляжах...

Моздок – это рубеж. Когда ты летишь «оттуда» на побывку, у тебя свербит в груди от радостного томления... Ты ждешь, когда машина коснется шасси посадочной полосы, когда со скрежетом остановится над головой несущий винт. Борттехник откроет дверь, выкинет наружу маленький трап. Ты подождешь, пока вынесут раненых, потом сам соскользнешь на бетон. Свободен! Хочешь – езжай в город, в кабак; хочешь – иди на КП, узнавай, когда в Москву пойдет ближайший «почтовик». А можешь сесть на такси и умчаться в Минводы, чтоб улететь с комфортом на «Аэрофлоте». Здесь никто не остановит: «Стой, там духи!!!» или «Стой, стреляю!» Ты не наткнешься на табличку с надписью «Мины». Потому что это Моздок.

Если оставить военную базу и пройтись по городу, вам встретится множество серых кафе. Это не места отдыха. В них заливают страх и тоску. Убогие забегаловки: засиженные мухами стены, столы, покрытые грязной клеенкой. В баре – паленая осетинская водка и кабардинский шмурдяк, именуемый коньяком. На закуску вам подадут салат из капусты, борщ и котлеты. В лучшем случае кусок вареной курицы. Посетители – небритые милиционеры, с лицами, опухшими от дешевого алкоголя, в серых бушлатах и с автоматами. Иногда в эти кафе заглядывают журналисты, иногда военные, прилетающие из Чечни. Бывают ребята из ОМОНа или из СОБРа, сопровождающие в тыл какого-нибудь «важняка».

А вот новички, которые только едут в Чечню... Их такие условия пугают. Они в кафешках не столуются. Это потом, на обратном пути, одурев от сухпайка и казенной каши, они будут здесь ужинать с большим удовольствием.

Моздок – это еще и пресс-центр, трещащий по швам от набивающихся в него журналистов. Иностранцы добираются через Нальчик и Минводы. Берут такси и едут сюда. Часами простаивают на КПП. Потом в сопровождении военных прибывают в пресс-центр. На втором этаже в большой пыльной комнате они сутками ждут, в надежде получить разрешение снять войска. Услышав ответ, как правило, отрицательный, они матерятся по-русски, разворачиваются и уезжают. В Гудермес, в Аргун... Туда, где Дудаев. Успешно получают индугенцию министра информации Ичкерии Мовлади Удугова и снимают боевиков. Я не забуду шведскую журналистку, взрослую даму, плачущую навзрыд. Мне было ее по-человечески жаль. Это ж надо, отмахать из Европы тысячи километров, чтоб получить от ворот поворот. Тем временем за кордоном крутят сюжеты о зверствах военных, страданиях мирного населения и подвигах «бойцов чеченского сопротивления».

А для меня Моздок – территория очищения. Приезжаю сюда, и уходят все заботы, переживания, проблемы. Все, что волновало дома, теряет ценность. Я улетаю за Терек новым человеком. Без прошлого и будущего, имея лишь смутное настоящее.

Что со мной произойдет там, в Грозном, сегодня? Я не знаю.

Но эта война в Чечне для меня началась не вдруг. Была прелюдия.

Независимая и ужасная

Первый раз я оказался в Чечне еще до войны. За три месяца. Никто не заставлял. Просто сказали: «Хорошо бы съездить». Вокруг Чечни уже стояла блокада. Телефон. Набираю Грозный:

- Можно приехать?
- Приезжайте, если вас свои же по дороге не шлепнут.
- Нормально...
- А приеду, куда обратиться?
- В резиденцию президента Ичкерии. Спросите Ширвани Пашаева.
- Спасибо.

Там есть дудаевская власть. В Грозном. Рядом, на равнине, есть оппозиция. Ага... С официальными «грозненцами» я уже поговорил. Для страховки ищу дополнительные выходы. Того, кто хоть чем-то сможет помочь в командировке. Задача: узнать, что там происходит в этой Чечне. Разобраться. Написать, снять сюжет. Мне дают телефон человека из чеченского нефтяного министерства. Это, как я понял, контакты оппозиции. Той, что с Дудаевым в контрах. Запутано все. Тут и там чеченцы, и они борются друг с другом. Кручу пальцем телефонный круг. Говорят: «Прилетайте! Провезем! Сперва в Ингушетию, а потом в Грозный, только захватите с собой еще человека. Она из Америки».

Летим. Я, оператор Володя Рыбаков, видеоинженер Андрей Коляда. Я работал с ними уже. В Абхазии и Приднестровье. Вова похож на революционера-бомбиста или студента-народовольца. В фильмах про революцию я таких видел. Высокий, поджарый, с черной окладистой бородой. С длинными черными волосами. Голос – баритон. Хотя он не слишком часто им пользуется. Молчун. Дальше... Он в очках. За линзами – умные и... глубокие глаза. Да... Разве про глаза говорят «глубокие»? Нет, наверное. Но когда я встречаюсь с Вовой взглядом, боюсь утонуть в почти ощутимой бездне его невысказанных мыслей и потаенных знаний. Впрочем, в быту Рыбаков абсолютно предсказуем и комфортен. Сдержан, скромен, в эмоциях экономен. Хотя... Может он иногда вдруг, листая «Спорт-экспресс», азартно хлестануть себя по коленке ладонью, вскочить, нервно пройти туда-сюда по комнате и воскликнуть: «Во блин!!! Вот «Зенит»!!!

После такой ажитации Рыбаков обычно достает коробочку с табаком, листик специальной бумаги, машинку для самокруток, и через полминуты закуривает любимый «Жетан». И это не понты. Обычные операторские финтифлюшки. Да-да, операторы, как правило, известные оригиналы. Любят обвесить себя портативными фонариками, карманными пепельницами, швейцарскими многофункциональными ножичками (обязательно чтоб в наборе зубочистка была), складными серебряными стаканчиками и т. д. и т. п. И еще... Вова – из Санкт-Петербурга. Как и все питерские, он обожает Довлатова, болеет за родную команду «Зенит» и старается не ругаться матом. И мы его не провоцируем. В работе Рыбаков неутомим, изобретателен и прилежен. Он талантливый оператор, стремящийся не к ремеслу, но к искусству.

Андрей Коляда. Инженер. Его кафедра – звук и бесперебойная работа камеры. Коляда молод, худ, русоволос, ушаст, курнос, в словесных перепалках ершист и остер на язык. И, по-моему, его остроумия, неуступчивость – та самая система защиты, которую молодые люди берут на вооружение, когда едва набирают вес в коллективе. В работе Коляда подвижен, в быту уютен. Голос у него писклявый, но нам хором не петь, нам снимать. И поэтому все хорошо.

Я. Я... Ну, вы меня знаете! Высокий голубоглазый блондин с объемными бицепсами и вьющимися волосами. Шучу. Я худ. Длинный нос (кривой и с горбинкой) соперничает с выступающим вперед кадыком. Я даже немного похож на Кису из «Двенадцати стульев» в

исполнении актера Сергея Филиппова. В молодые годы, естественно. Стрижка у меня «аля воин-контрактник», с топорщащимся на затылке клоком волос. Да, еще у меня большие уши. Висящая на узких плечах майка, вздувшиеся на коленках штаны. Я бывший офицер, взяли меня в репортеры недавно, и мне есть кому что доказывать. Я неусидчив, желчен и абсолютно не перевариваю конкурентов. Поэтому влеку за собой группу по непроторенному пути, непременно заглядывая по пути во все будки с надписью: «Не влезай, убьет!»

Наш довесок, наша вынужденная попутчица, американка, приехала прямо в аэропорт. Пожилая тетя, худая, как велосипед, в черном платье и с ноутбуком (надо же, в 94-м году!). Официально – специалист по этносу Северного Кавказа. Конечно! Знаем мы таких специалистов! Из Центрального разведывательного управления. Какой же кретин сейчас по собственной воле рискнет дунуть в Чечню? Поговорки собирать и предания... Ага! Местá дислокации войск, расположение штабов и складов... Мы-то ладно, как говорят в армии, у нас «судьба такой!».

Владикавказ. Встречают двое. Одному лет тридцать, другому сорок. Везут в Ингушетию, в Малгобек. Старая квартира на третьем этаже. Дом обшарпанный внутри и снаружи. Успокаивают: «Только переночуете, а завтра перебросим в Грозный».

Квартира явочная, что ли? Пара комнат. Мебель советская, поблекший лак. На кухне даже тараканов нет. Кто здесь последний раз ночевал? «Может, перекусить чего найдем? Есть тут у вас рынок или магазин какой-нибудь?» – «О! Это не проблема!»

Ну, а дальше... Мы-то не пили. А вот наши опекуны... Через час один, помоложе, барабанил что есть силы по дну перевернутой грязной кастрюли (мы в ней сварили курицу), другой приставал к американке, предлагая то потанцевать, то пойти с ним прогуляться. Старушка вяло отказывалась. Еле утихомирили артистичных джигитов.

Мой опыт общения с кавказцами минимален. В военном заведении, что я оканчивал, учились армяне, грузины, азербайджанцы... Какая нам была разница? Все общее, никаких привилегий и льгот. В папахах никто не ходил. Равняйся! Смирно! И так далее. Помню, кто-то из горцев обратился к начальству: можно, мол, усы отпустить, типа у нас в народе так принято. Разрешили. Все, больше никаких чаяний и желаний. А тут, в новой России, всяк своеобразен. Каждый народ про свои обычаи вспомнил, про независимость. Вот и Чечня тоже. Опальный президент Дудаев, однокашник моего папы по Военно-воздушной академии имени Гагарина, заявил: «Отсоединимся, и будет у нас Кувейт!» Я не гостил в Кувейте. Возможности не было. Служил в армии, когда Саддам Хусейн из Ирака зачем-то в этот Кувейт полез. Американцы его щелкнули по носу. А у меня впереди Чечня. Сейчас вот общаюсь с ее соседями – ингушами. Наблюдаю за традициями, нравами. Ничего необычного и неординарного. Так же пьют, как у нас, так же веселятся и пристают к бабам. Ну, не только к старушкам, наверное. Вообще, двое наших сопровождающих странноваты. Я толком не понимаю... Они нам помогают, но... В чем их интерес?

А вот водила у нас классный. Мурат из станицы Орджоникидзевской. Тоже из Ингушетии. Веселый усач. Вылитый Омар Шариф! И человек – ну просто прекрасный! Каждая реплика, что называется, «с мясом» – полна смысла.

Мы в Чечне. В станице Знаменской. В штабе революционного антидудаевского движения. Оппозиция. Судя по всему, ее боевое крыло. Вооруженные люди по всем дворам. Какие-то командующие, главнокомандующие... Сам черт ногу сломит. Кто бродит с АК за спиной, кто на гитаре играет, кто семечки во рту шелушит. Большинство – в камуфляже. С брезентовыми подсумками на ремнях. Лидер оппозиции – Умар Автурханов. Беседуем. Ну, никакого впечатления. Я так и не понял, что, зачем... Одна мысль: «Дудаев – плохо». А что тогда хорошо? Или кто хорошо?

Наши ингушский водитель Мурад с дочкой

Чечня, Знаменья. Пророссийская оппозиция

Переезжаем в Толстой Юрт – там Хасбулатов. Несостоявшийся политик федерального масштаба. Только из тюрьмы, после неудавшегося бунта в Москве. Еще хуже. Просто амеба. Голос женский, слова – бред какой-то. А вот Ваха, чеченец, у которого мы остановились в селе, – это человек! Гостеприимство, юмор и мысли внятные: «Ребята! Не нужно нам ника-

ких революций! Надо, вон, хлеб сеять! Картошку копать! Война будет – ни хлеба, ни картошки! Где тогда взять?»

В Толстом Юрте у Дома культуры – большой митинг:

– Пенсий нет, школы не работают!

– Дудаев нам сказал: собирайте в лесу шишки, продавайте – вот вам и пенсии!

– Мы с Россией хотим жить, а Дудаев не хочет! Все баламуты в Грозном сидят!

– Грозный брат? Нет, как его брат, там же мои родственники, друзья... Дудаев сам скоро уйдет!

В тени у забора сидят старики. Все в шляпах. Я-то думал, на Кавказе папахи! А тут, погляди, шляпы! Ну прям Сицилия! Палермо! Рядом со стариками, на корточках, мальчик с автоматом Калашникова. Рад, наверное, что революция. В школу ходить не надо. На солнцепеке стоит БТР, перед ним вооруженный полный мужчина. Тапочки, треники с коленными пузырями, рубашка навывпуск. Стоит, в задумчивости чешет низ объемного живота. Часовой.

На поляне за Домом культуры полно вооруженных людей. Возраст – от пятнадцати до пятидесяти. Человек двести. На окраине вздымается пыль столбом. Машин пять! Мчатся! Из окон – пулеметы и даже зачем-то гранатометы. Если пустить гранату «РПГ-7» вот так, из кабины, пассажирам каюк, а салон реактивной струей так раздует! Как солдатскую флягу с водой на морозе. Впереди всей колонны джип «Вранглер» со снятым тентом. Тоже стволы в разные стороны. Дружественные боевики. Спешиваются. Один из них, главный, опережая охрану, проходит мимо нашей камеры. Гантамиров. Красавец! Коричневая кожаная жилетка, брюки, на боку в кобуре пистолет. «Макаров». Ни разу в жизни, ни сейчас, ни потом, где бы я ни видел и ни встречал – Гантамиров никогда не выглядел потухшим, хмурым или растерянным. Ни в Грозном, когда он был мэром. Ни в клетке, потом уже, в зале суда, когда ему предъявляли растрату бюджета. Ни еще позже, во время последнего штурма Грозного в двухтысячном. Всегда уверен в себе, элегантен, с белозубой улыбкой. Сейчас Гантамиров краток: пять-шесть фраз на чеченском. Инструктаж. Кто головой кивает, кто жует жвачку, кто смотрит в сторону. Но все внимательно слушают. Короткое интервью с Гантамировым:

– Будете брат Грозный?

– Силы накопим, возьмем.

– А зачем?

– Ну хватит уже, наверное, Дудаеву править?!

Беслан Гантамиров

Возвращаемся в Осетию. Перед этим оставляем американскую бабушку в Знаменской. Она вроде как обычаи оппозиции желает изучать. На футбольном поле гудит «Ми-8МТ». Ничего себе, «граждане, возмущенные дудаевским беспределом»! У них и вертолеты есть! Снимать запретили. И мы, конечно, сняли. Тайком. Все ясно. Видать, Москва не хочет, чтоб в Чечне правил Дудаев. Но, видимо, как-то стесняется это сказать всем. Помогать помогает, Автурханову и Хасбулатову, но... тайком. А чем они лучше-то? Чем их власть будет отличаться от Дудаевской? Верностью? Так Хасбулатова только-только из Белого дома выдавили! Год назад! Как мятежника! Танками обстреливали! А если он здесь бунтовать начнет?

Теперь самое время обратиться к профессиональной классике. Давать слово одной только стороне – это нечестно. Это в учебниках по журналистике пишут. Вот бы так во время Великой Отечественной! Месяц у генерала Чуйкова поработал, в Сталинграде, месяц у фельдмаршала Паулюса. Или в Афганистане – у командарма Громова, потом к полковому командиру Ахмад Шаху Масуду, из Кабула в Панджшер переехать. Нет, долой ерничество! Будем хрестоматийны. Едем в Грозный. Вниз от Толстого Юрта через аэропорт «Северный» прямо к резиденции Дудаева. На центральной площади – БТР. Точно такой же, как мы видели час назад у оппозиции. Толпа народа. И здесь все с автоматами. Кто-то на газоне молится. Там же, но чуть ближе к зданию республиканского Совмина, человек сто исполняют зикр. Танец такой. Обряд. Одни мужики. Бегают друг за другом по кругу, потом встают плечом к плечу и хлопают в ладоши, переминаясь с ноги на ногу. И гортанно так припевают. Эмоциональная подзарядка. Иногда в центре круга в пляс пускается дедушка с седой бородой и в тюбране. В руках у него зеленый чеченский флаг. Эмблема – волк, воющий на луну. Такой же развеивается над дворцом Дудаева.

И здесь митинг. Снимаем. На камеру обращают внимание.

– У нас все нормально, это у вас в Москве ненормально!

– Зачем вы оппозицию поддерживаете, она в меньшинстве!

– Наш президент – Джохар, и он знает, что делает!

Идем в Министерство внутренних дел. Пешком от дворца Дудаева недалеко. Хочется узнать мнение чеченских милиционеров: будет война или нет? Проходим кинотеатр «Юби-

лейный», кафе «Татабани». Из кустов выныривает и пересекает наш путь разведгруппа. Да-да! Самые настоящие рэксы! Автоматчик, снайпер, связист. Человек десять. У гранатометчика из-за спины, как стрелы из колчана, торчат остроносые гранаты к «РПГ-7». Двигаются гуськом, будто в лесу. Ничего себе... Мирные жители... Волшебный город этот Грозный. Чего здесь только не увидишь. А ведь это Россия, юридически...

Глава дудаевского МВД Аюб Сатуев

Министр внутренних дел Чечни Аюб Сатуев у себя в кабинете. Блин! Вылитый Роберт Де Ниро! Похож, точно похож! Правда, в американском камуфляже, форменной кепи на голове! Смотрится такой Де Ниро, мягко говоря, несуразно. Рядом в углу дед в папаше и с бородой. Видать, советник. Или родственник. Ну не охранник же?

- Будет война?
- С кем?
- Возьмет оппозиция Грозный?
- Грозный?! (Дед в углу аж захрюкал от смеха.)

Хозяин кабинета подался вперед, округлил глаза и воздел палец в потолок. «Да они даже общественный туалет не возьмут в Грозном, я вам клянусь это!»

Да... И это Россия? Это россияне? Здесь про Москву, про Владивосток с Калининградом давно забыли. Тут власть делят! Позиция, оппозиция! А на федеральный центр они все глядят, как на временное недоразумение! Дайте, мол, главный вопрос решить, а с второстепенными мы потом разберемся! Как там Борис Николаевич Ельцин сказал: «Берите свободы, кто сколько сможет!» И здесь взяли! Прямо откусили! Как бы не поперхнулись!

Шпионы

Следующее посещение Грозного. Октябрь. Опять летим через Владикавказ. Это Северная Осетия. Мы в местном репортерском агентстве «Иринформ». Готовимся к выезду. Ира Таболова, руководитель, добрая, милая женщина, которая опекала нас потом еще сто раз, теперь участливо интересуется:

– Как же вы поедете?

– Да вот так, возьмем да поедем!

На столе салат из корейской морковки, вареная курица и коньяк. Я в завязке. Рыбаков и Коляда себя особо не сдерживают. Вечереет. Коньяк заканчивается, пора ехать. До Черменского круга. Там Ингушетия. Дальше надо ловить другую тачку. После осетино-ингушской резни, что произошла здесь два года назад, соседи друг к другу не ездят. Могут убить.

Так, мы у круга. Пулеметные гнезда, обложенные мешками с песком. Три отдельных милицейских поста. Федеральный, ингушский и осетинский. Из каждого торчат наготове стволы. Парни в касках и бронежилетах. С беспокойным, настороженным взглядом. Дружба народов по-современному. Останавливаем машины. Есть тачка! «Нива». Водитель – мужчина лет сорока. Зовут Муса. Высокий, смуглый, суровый на вид. Из Грозного.

– Вы куда, в Грозный? Отлично, нам по пути!

Оператор с инженером, раскачиваясь на нетвердых ногах (коньяк действует), перегружают в «Ниву» бронежилеты, камеру и штатив. У Рыбакова из кармана торчит антенна «уоки-токи». Рация. Муса чуть поднимает бровь (чеченцу лишние эмоции не положены):

– Точно пресса?

– Да точно, кто ж еще.

Сколько я спорил, еще в Москве, по поводу этих раций и бронежилетов... «Вова! Не надо их брать!» У Рыбакова один аргумент: «Импортники уже давно так ездят!» И мы поехали. Идиоты.

Минут пятнадцать движения – остановка. Вынужденная. На дороге люди. Точнее, партизаны. Точнее, банда атамана Махно – кавказский вариант! У кого дробовик, у кого «ПК». Лица бородатые и весьма недобрые. Скидывают свои берданки с плеч, целятся в нас. Выкрикивают вопросы с непривычным акцентом:

– Ктэ тэкие?!

– Репортеры, Москва!

Я вылез – ничего не поделаешь, нам здесь не рады, объясняться надо.

– Шпэоны!

– Какие шпионы, к Дудаеву едем, в Грозный, во дворец!

– А ктэ вас тэм ждет?!

Фамилия человека из аппарата Удугова, которую мне продиктовали по телефону, как-то сама собой выпрыгнула из моей головы. Ее просто вытеснили мысли о наших возможных перспективах на этой большой дороге. Забыл! Вокруг машины группируются «нежные существа». Они как из позапрошлого века. Овчинные тулупы, бороды и папахи:

– Да это шпэоны, кэнчать их нэдэ!

Трясущимися пальцами я перелистываю записную книжку. «Секундочку, товарищи, секундочку...» Вот же, забыл! Б..., как не кстати! Где она, эта фамилия... И записал ведь красной ручкой на полях... Нашел! Нашел!!!

– Да, вот! Ширвани Пашаев! И телефон есть! Вот, товарищи! Свяжитесь, пожалуйста, он ждет нас во дворце!

Боже мой, как не вовремя! Хлопнув дверью, из машины вываливается Коляда. Черт, ну куда ты, милый... Инженер молодецки задирает бровь. Голос его тоненький, почти детский...

– У нас проблемы?

– Да вот... Сейчас расстреляют...

Огромный бородач, у которого пулемет на бычьей шее смотрится, как амулет, требует открыть заднюю дверцу. Я смотрю на Мусу. Он молчит. В черных глазах тоска.

– О! Эбдула!!! Смэтрите, что у нэх тут!

А что смотреть? Обычный шпионский набор: рации, бронежилеты! Меня тут же берут за ворот и волокут с дороги вниз. В кювет. Легко, как манекен. Уже не нужный в хозяйстве. Спротивляться нет сил. Да я даже не пробую. Коленки обмякли, в желудке неприятно щекотно. Вот и все. Как бестолково... Так не хочется... Сколько раз потом на трофейных пленках я видел, как вот так же боевики хватали за шиворот наших пленных, кидали на землю и стреляли в их дергающиеся тела...

– Стойте! Да подождите же вы! Ждут их во дворце. Связался я!

Чеченский милиционер, или просто человек в форменном милицейском кителе, надевшем на синюю спортивную «олимпийку», появляется, как говорится, очень и очень кстати.

– Ждут их там, пускай проезжают!

Оставшуюся дорогу мы едем без слов. Когда заезжаем в Грозный, Муса произносит:

– Поздно уже. Переночуете у меня. Квартира в микрорайоне. Утром заеду и кину вас к дворцу.

Мы едим вареную курицу с хлебом, пьем лимонад и молчим. Свет в предоставленной квартире Муса посоветовал не включать. Приехали...

Царская ложка

В конце ноября девяносто четвертого мы все еще оставались в Чечне. Делегации, переговоры, уговоры... Никто еще не встал и не сказал громко: «Война – это хорошо!» Но она все-таки началась. Пару дней назад Грозный атаковала чеченская оппозиция. Та самая, которую мы снимали два месяца тому назад. У нее, оказывается, и танки есть! Это был самый первый штурм Грозного. И самый, мягко говоря, неудачный. На улицах дымились исковерканная броня. Рядом лежали сгоревшие трупы танкистов. На проспекте Фронтовиков, ближе к рынку, на заборе висела оторванная голова. В танковом шлемофоне. В подвалах МВД и ДГБ теперь сидят пленные российские солдаты и офицеры. Откуда? По телевизору заявили: это наемники – и никаких гвоздей. Дикие гуси, солдаты удачи! Мускулистые, загорелые парни, палящие из пулеметов во все стороны, с дымящимися сигарами в жемчужных зубах! Так я видел в кино. Но пленные выглядят совсем по-другому. Они грязные, жалкие и обескураженные. Прессе с ними можно общаться без ограничений. Они пожимают плечами.

– Как это – мы не российские военнослужащие?

– Да вот так! Ваш же министр Грачев от вас отказался!

Действительно. Раз наемники, значит, кто-то нанял. Логично? Вручил танки, боеприпасы, автоматы-пулеметы, и айда на штурм! Значит, есть в стране «кто-то» с такими ресурсами! И этот «кто-то» берет города! Пытается взять. Неизвестная сила?

Знакомлюсь с одним из захваченных дудаевцами офицеров. Старший лейтенант Ростопко Алексей Викторович. Серая куртка. Серый свитер. Очень похож на Шарاپова из «Место встречи изменить нельзя».

– Два дня я после штурма плутал. Потом на трассе «Ростов – Баку» меня взяли. Сразу сюда, где мои товарищи. Обвинения не предъявляли. Но показания даем.

– Леш, а как ты вообще сюда попал?

– Я в 35758 служил. В воинской части. Кантемировка. Побеседовали из ФСК. Рассказали сказку. Мол, сгоняешь в Чечню. На прогулку. А заодно и денег дадут.

Над пленными не издеваются, не простреливают коленки, не отрезают головы. Такие еще не пришли времена. Водят, показывают прессе и делегациям, как диких обезьян. А делегации эти частят из Москвы одна за другой. Ну как же! Надо засветиться, на фоне событий.

В подвале дворца боевики. Старая «афганская» форма. Беседуем. У одного зеленая повязка на черных как смоль волосах. Хрипловатый приятный голос.

– Мы все здесь смертники! Опять репрессии? Сорок четвертого года не будет! Солдаты, что приезжают, им есть куда отсюда идти. Россия большая! А нам – некуда деться. Остается только здесь умереть! И мы будем умирать! Когда «новости» преподносят, что чеченцы – одни кровопийцы, это не правда! Надо говорить правду, если она есть! Если дружить – давайте дружить! Если быть врагами – пожалуйста, мы будем врагами!

Ах, вот оно что. Кто-то здесь наговорил людям, что Ельцин высылит их в Казахстан, депортирует. Как Сталин в сорок четвертом году. Ребята! Вы преувеличиваете возможности российского МВД! Силенок не хватит! И потом, дикость какая-то, двадцать первый век на носу! И к тому же... Казахстан – уже другая страна.

Сашко Белый (Музыкачко) в Грозном. Декабрь 94-го

На площади перед дворцом – группа людей. На руках красные повязки «УНА-УНСО». С трезубцем. Мама родная! Украинцы! Тоже воевать против России будут? Старший националист в камуфляже. Без бушлата. Нижняя челюсть выступает, как ящик, выдвинутый из комода. Хищные носогубные складки. На шее шарф, неформенный, клетчатый, мохеровый, на голове бейсболка козырьком назад:

– Мы патриоты из Украины! Приехали бороться с московской агрессией. Мы пока отдыхаем, наблюдаем за тем, что здесь делается. Если Россия на Чечню нападет – мы будем в первых рядах воевать с российской оккупацией!

Тоже мне, комсомолец наоборот. Эх, братушки православные! Предали вы нас! А может, мы сами во всем виноваты? Почему от нас шарахаются? Люди, народы, страны? Жить с Москвой не хотят. Едва Советский Союз качнулся, так республики как тараканы от занесенного тапка дернули во все стороны! А сейчас аж воевать с нами готовы! Ладно... Я – репортер. Я не политик, не аналитик. Пашу поле. Кстати, о поле. О футбольном. Заезжаем мы тут как-то на грозненское «Динамо». Открытая арена. Газон под снегом. Вдоль трибун, на поляне, – человек сто ополченцев. С автоматами. Лица у всех brutальные. Взгляд колющий, желваками играют. Перед строем седой военачальник вышагивает. Куртка из какого-то диковинного камуфляжа. В елочку и полоску. И каракулевая шапка. Держит речь на чеченском. Отдельные слова на русском: «Джохар...», «Автурханов...». Я так понял: объясняет, за кого надо воевать и кого надо мочить. Какой-то местный шепчет мне на ухо:

– Это Масхадов. Начальник нашего Генерального штаба. Присягу принимает.

Господи! Скоро в каждом дворе свой Генштаб организуют. И свою Присягу будут принимать. «Клянусь служить Мытищам до последней капли крови! И если я нарушу мою люберецкую клятву, то пускай тогда лопнет мой мочевого пузырь!!!» Парад абсурдов...

Кто-то привел на митинг волка. Ко дворцу. Держит его на поводке. Волк у чеченцев – символ свободы. Этот – грязный, какой-то нечесаный, скалит зубы по сторонам. Шарахается

от мегафонных воплей. Что ты его привязал? Возьми да отпусти! Пускай всех перекусает! Свобода же! Каждый делает, что хочет!

Над митингующими плакат: «Чеченский народ, признанный Аллахом, непобедим!» Среди толпы стоит столик. На нем ящик, типа выборной урны. Ведомость. Женщина в «афганке». Собирает деньги на отражение российской агрессии. Настроение у нее приподнятое.

– Уже пятьсот семьдесят человек, только за сегодняшний день!

Сколько сдали? Деньги у них, интересно, уже свои? Или вражеские рубли? При нас, правда, к ящику ни один желающий не подошел.

Во дворце Дудаева пустота. Бродим по коридорам. Нам нужна информация. Вечером ехать во Владикавказ – материал в Москву передавать. Я аккуратно заглядываю в первую же попавшуюся аудиторию. О-па! Очередная московская делегация! Заседание! Вернее, очередные переговоры о выдаче пленных. Большой зал. Посередине – два стола. Стоят параллельно. За одним: вице-президент Ичкерии Зелимхан Яндарбиев и Роза, министр торговли (символичная должность, правда), неплохая женщина, фамилию не помню. Мы даже ночевали в ее квартире в Грозном не так давно. Помню, угощали нас икрой. Из большого блюда. Мне дали ложку, почему-то фарфоровую. Я добросовестно черпнул, и она лопнула, развалилась. Неудобно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.